

The background of the book cover is a close-up photograph of a dark-colored snake with light-colored markings, slithering across a pile of rough, brownish-grey rocks. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows.

Алексей Курбак

СЛЕДЫ
на

КАМНЯХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Квест на выбывание

Алексей Курбак

Следы на камнях

«Автор»

2023

Курбак А. М.

Следы на камнях / А. М. Курбак — «Автор», 2023 — (Квест на выбывание)

Большинство людей на Земле – реалисты и прагматики, уверенные: «каждый человек - кузнец своего счастья!» Иначе говоря, всяк сверчок вправе лично выбрать себе шесток. В противовес им немало и фаталистов, имеющих противоположную точку зрения – ни сверчки, ни люди к жребии непричастны, все решает некая высшая инстанция. Кто из них прав, никому не ведомо, ибо результат насекомому, как и человеку, при жизни не узнать – больно коротка. Если же, вопреки первому постулату, судьбу человека определяет все-таки не он сам, а некто или нечто свыше еще до рождения, так ли бесповоротно определен дальнейший путь? Или что-то отдано и на волю слепого случая? Но ведь случай, оказывается, вовсе не слеп и далеко не случаен...

© Курбак А. М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
24 апреля 2020 и ранее Сорок один	16
24 августа 2020	22
24 августа 2020	26
Глава третья	30
Июнь 2020 Адам и Ева	35
июль 2020 Ева и Адам	37
24 августа 2020	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Курбак

Следы на камнях

Как не отыскать след орла в небе, рыбы в реке и змеи на камне, так не увидишь следа гонимой орлом голубки, червя, пожираемого рыбой и мышью, бегущей от змеи.

Книга притчей Соломоновых. Вольное прочтение

– А как исчезают люди?

– М-м... Исчезают?

– Или пропадают... как там у вас, юристов... понимаешь?

– Понимаю. Исчезают, и то не окончательно, какие-то невидимые и невесомые микрочастицы в коллаидере. А люди... люди, знаешь ли, исчезать не могут.

– Ну, не умничай, я же исправился. Пусть не исчезают, а бесследно теряются... смысл тот же.

– Тебя интересует кто-то конкретный или так, в общем и целом?

– В общих чертах, естественно... сейчас попробую сформулировать: вот, например: идет человек по улице, и вдруг – р-раз, и нет его! Так бывает?

– Ого, чего захотел, – для ответа ей понадобилось поудобнее устроить голову на плече спрашивающего, – Бывать-то бывает... Ну-с, готовься прослушать лекцию. Доцент Соловьев...

– Не надо лекций! Ты без доцентов, своими словами объясни: как это может случиться – сейчас, в наше время... сегодня, завтра?

– А ты, похоже, не веришь в такую возможность? Тогда давай...

– погоди ты! Веришь, не веришь... Это в Бога можно верить или не верить. Я атеист, но тут же чертовщина какая-то: на Земле ни кусочка считай не осталось необитаемого, связью все насквозь, спутники, камеры... у всех мобилы, навигаторы всякие. И ни с того ни с сего – хлоп, и нет человечка... А?

– Ни кусочка... Да, в этом ты прав. Только, дружок, не путай: необитаемый – это одно, а безлюдный – совсем другое. В самом густонаселенном городе на планете... как там – Шанхай, Нью-Йорк, Манила... ежегодно пропадает...

– Да какая разница! Манила... У нас пропащего народу тоже хватает.

– Так вот. Живут на квадратном километре миллионы, по улицам ходят сотни тысяч, а по сторонам смотрят единицы. Тебя среди бела дня схватят, по мозгам, и в мешок, а никто и не заметит. Прямо здесь, на Васильевском. Спорим?

– Не. Не надо... верю. Но тогда я должен для кого-то достаточно крутого, чтоб вот так – по мозгам, в мешок – представлять интерес. А я – простой небогатый чувак, иду себе...

– А простой небогатый чувак разве не может сам, по прихоти или дурости, взять да и сбежать куда-нибудь... Через поле, через лес, и под старый пенек залез?¹

– Может, конечно... но...

– А встретить одноклассника, поспорить на бутылку водки и спрыгнуть с моста в полночь в полнолуние?

– Ну, эт ты загнула! Бутылку... скажи еще – пива. Маловато будет!

– Тогда на ящик?

– Уже ближе. Но я имею в виду – просто иду себе, никого не трогаю...

– И вдруг – хватить!

– Ой!..

¹ С.Маршак «Сказка об умном мышонке» (искаж)

Глава первая

24 августа 2020 Санкт-Петербург

Старинные липы, высаженные, наверное, еще при царизме и напрочь закрывшие небо над Извозным переулком, а заодно таким же древним зданием, где полсотни лет размещалась прокуратура да с некоторых пор и следственный комитет, давным-давно следовало спилить. Ну, пусть не все, а через одну, особенно вот эти, со двора... или хотя бы хорошенько обрезать, на худой конец. Такие мысли посещали младшего советника юстиции каждый раз на подходе к месту службы, до недавнего времени вполне приемлемой, можно сказать любимой, а теперь опостылевшей.

Да, лучше всего выкорчевать, распилить на чурки, поколоть на дрова, убрать к чертям с глаз долой, чтоб ни листочка, ни веточки, ни духу их июльского, кому-то кажущегося медовым, а ему, как и многим коллегам, за долгие годы проевшего мозги от кончика носа до самых печенок. Убрать, убрать! А то ведь ни припарковаться толком, ни разъехаться, и птицы... Эта летучая мерзость мало что непрерывно гадила на головы прохожих, госслужащих и стоящие во дворе машины, так еще столь же беспрестанно орала. Птичий сонм, вольготно расположившись на раскидистых ветвях, оглашал окрестности многоголосыми воплями – свистом, щебетом и карканьем – вне зависимости от сезона, умеряясь лишь особо морозными зимами. Преобладала в пернатой популяции, разумеется, городская шпана – воробьи.

Вот и сегодня серая братия разошлась вовсю, напоминая бесчисленную ораву футбольных или хоккейных фанатов, обсуждающих в перерыве матча перипетии игры любимых команд. Всплеск вокальной активности вызвала очередная партия пищевых отходов, поступивших на ближайшую помойку из «Даров Кавказа» – чебуречно-шашлычного заведения с претензией на звание кафе, как и обозначено на вывеске, а по сути – гнусной забегаловки с заплеванным полом и сомнительной свежести ассортиментом.

Воробьи в абсолютном большинстве, за исключением самых смелых, на деликатесы не посягали, довольствуясь ролью зрителей, ибо на арене, представленной парой мусорных контейнеров, сошлись в жестокой схватке игроки покрупнее – вороны и сороки. Серо-черные превосходили габаритами и весом, но частенько проигрывали длиннохвостым черно-белым, более организованным и действовавшим парами, а то и тройками. Крупной драки, впрочем, не получилось – еды оказалось не так уж много; уже через четверть часа победители, расхватав объедки, устремились кто куда. И правильно – как гласит житейская мудрость, усвоенная Тихоном Савельевичем еще в пионерском лагере, «если хочешь быть здоров, ешь один и втихаря». Ну а мелочь, как и полагается болельщикам, будет галдеть еще битый час, обсуждая преимущества командной игры над мастерством одиночек.

Следователь, поживаясь в ожидании почти неминуемого мокрого шлепка по плечу или полям шляпы, торопливо проскочил опасный участок и шмыгнул внутрь, мимоходом кивнув постовому у двери.

Конечно, ранний посетитель знал: уж кого-кого, а его в этом кабинете не ждут и рады точно не будут. И тем не менее пришел. Крупный мужчина вошел без стука, придвинул к столу один из выстроенных шеренгой вдоль стены стульев, уселся и, нахально сняв предписанную пандемическими правилами голубенькую маску, с интересом наблюдал за переменами в лице хозяина.

Тот поначалу явно его не узнал, глянул рассеянно. Пробормотал что-то вроде «Ну у меня же неприятный день, неужели трудно спросить... куда дежурный...», потом всмотрелся, а в следующее мгновение с Тихона Браги, старшего следователя по особо важным делам, можно было писать вариант известной картины «Не ждали». Ошеломить, ошарашить, оглоушить... назвать можно всяко, эффект примерно одинаков: рот приоткрывается, глаза лезут на лоб, кадык дергается туда-сюда. Жалкое, в общем, зрелище. Майор юстиции к тому же отшатнулся, как от привидения.

– Не бойтесь, я не по тому делу, – успокоил визитер, – Бить не буду.

– Я не...

– Да боитесь, боитесь, я же вижу. Успокойтесь. Вы мне нужны живым и в здравом уме.

– Почему я? Зачем?

– Ну, у вас ведь на рассмотрении заявление моей жены. Или еще руки не дошли, глаза не доглядели?

– К-ка-какой жены?! Она же... – Тихоновские очи, и без того выпученные, грозили вовсе лопнуть, – Она...

– О-о-о, братан, да ты, похоже, не в курсе! – широко улыбнулся здоровяк, – Ну, извини, не пригласил на свадьбу... вообще-то ее, свадьбы, в стандартном формате и не было. Заява – моей теперешней половины, Светланы Михайловской, живой и невредимой. Об исчезновении ее матери, а мне, получается, тещи, Журовой Светланы Андреевны. Теперь все понятно?

Теперь обитателю следственного кабинета стало понятно, правда, далеко не все.

Беда одна не ходит, эта старая истина знакома любому разумному землянину, независимо от пола, возраста, цвета кожи и вероисповедания. На разных языках она, естественно, звучит по-разному, но смысл идентичен. Англичанин скажет нечто вроде «беды не идут дождем – обрушиваются ливнем», француз – «одно несчастье приводит с собой другое», а японец – «плохое, единожды начавшись, тянется бесконечно» или «раз уж не везет, то и не повезет». Еще одна столь же повсеместная и всеобщая поговорка гласит примерно «каждый сам кузнец своего счастья и своих бед», да-да, именно так – счастье упоминается в единственном числе, а беды, они же горести, неудачи, напасти и печали – во множественном. Кто тебя? Да сам же, только сам... и поделом тебе, дурню!

Жил себе – не тужил, потихоньку служил... что называется, не надрывая жил. Обязанности исполнял добросовестно, однако вперед не рвался, не высовывался. Но время шло, и на горизонте замаячила перспектива пенсии. У людей в погонах и мундирах сия счастливая пора наступает заметно раньше прочих работяг типа строителей с путейцами.

Еще недавно он даже с долей юмора относился к своеобразному парадоксу своего положения: должность – старший следователь, да не просто, а по особо важным делам, и звание – «младший советник юстиции». Младший! Смешно?.. смешно, да... Старший, он же младший. Это в армии и полиции майор так и называется – МАЙОР, и в тамошней табели о рангах наличие на погонах большой, пусть всего одной звезды переводит их обладателя в категорию старших офицеров. Старших, не хухры-мухры!

Пенсионный порог приблизился вплотную, и Браге пришлось время подумать, не принять ли каких мер к повышению грядущего пособия. Путь в указанном направлении виделся вполне определенно: проводили на покой чиновника на две ступени выше разрядом. И – дернул черт.

– Сергей Апполинарьевич, – подчеркнуто уважительно обратился он к начальнику в тот недоброй памяти день, – Разрешите? Я надолго не отвлеку... по личному, точнее не совсем...

– А, Тиша, заходи, дорогой... садись, садись... вот молодец, вовремя... – вопреки дружелюбному тону, хмурое лицо бывшего однокурсника не оставляло сомнений – он отнюдь не рад видеть «неважного» сотрудника, – А я как раз... Что у тебя?

– Так, ничего срочного, – попытался дать задний ход Брага, – Я попозже...

– Нет уж, зашел, так не юли. О чем просить собрался? Не отпуск, надеюсь?

– Нет-нет, я...

– Смелей, тореадор. Я сегодня добрый. И – ты что, забыл? Мы же однокашники, как-никак. Для тебя я – Серега.

– Да-да... М-мгм... Видишь ли, Сергей... Мы, конечно, учились вместе, но я ведь поступил не с первого раза...

– Было такое, помню. Мне до пенсии, стало быть, на два года больше париться. А тебе-то уже в мае? Полгода осталось? Е-мое, вот летит время!

– Да, я именно об этом.... Почти. У нас ведь сейчас должность вашего... твоего зама – она же вакантная... пока... ну, и я...

– Ага. Понятно. И ты подумал – а не приподняться ли напоследок, так сказать... правильно? – однокашник снял очки и смотрел прямо в глаза, словно пытаюсь заглянуть вглубь, за сетчатку, – Должность повыше, разряд, звание... оклад, а там и пенсия... Молодец, правильно! Правильно?

– Вообще-то я хотел... – старший следователь вдруг ощутил себя маленьким глупым мышонком перед готовой распахнуться пастью питона, – Нет, я, безусловно...

– Правильно, правильно, – начальник, снова ставший рубахой-парнем Серегой Пожидаевым, водрузил шикарную роговую оправу на место и хлопнул Брагу по плечу, – Давай-давай! Я – за.

– За? Значит, не возражаете? Но...

– Не только не возражаю, а всячески поддерживаю. Нынче же подам надлежащую бумагу: в связи со служебной необходимостью... считаю целесообразным назначить... лучше всего ты сам напиши, а я подмахну, и дело в шляпе. Но – пока временно исполняющим. И – через месяц-полтора. Логика ясна?

– Ну да, логично... Надо же убедиться: товарищ, так сказать, соответствует, оправдает и не подведет. Такие дела с кондачка не решаются...

– Да ты просто гений административных вопросов! – неискренне восхитился Пожидаев, доставая из сейфа початую бутылку и два фужера, – Это дело надо сбрызнуть. Ну, за грядущее назначение!

Поверх поднятого для тоста коньяка он взглянул на сокурсника по-новому – хитро и цепко, и Тихон вновь почувствовал в добряке Сереге что-то удавье. Напиток приятно обволок небо, теплой волной прошел по пищеводу, согрел желудок и сердце. Брага расслабился, а зря! Бутылка с бокалами исчезли, с ними ушла и атмосфера доброй дружбы. Вернулась служба.

– А в качестве испытания на соответствие хочу попросить тебя, дорогой мой дружище, об одной, можно сказать, услуге, – начальство подвинуло к краю стола, где сидел разомлевший новоиспеченный зам... точнее, пока все-таки врио, и лишь в перспективе, тонкую папку, – Мелочь, в общем, особенно для тебя.

Брага, поняв: разговор перешел в официальную часть, встал и приготовился к не самым приятным секундам в жизни. Кабинетный опыт обязательно порождает в каждом мало-мальски послужившем чиновнике такую интуицию – вот похолодело в груди... уши чуть онемели... как-то нехорошо стало в том месте, которым сидят на стуле... оп-па. Приехали. А ты-то думал, наивный – тебе действительно хотят помочь! Черта с два. Ему нужен козел отпущения, он же безмозглый осел, он же барашек для заклания... сидел тут, ломал голову, кого отдать на растерзание, а ты – тут как тут, нарисовался. Вот и получи, деревня, трактор.

– Да, мелочь... – старший по званию словно не заметил перемену в поведении подчиненного, – Не из самых прелестных, сам понимаешь, но у нас, слуг закона, красот по жизни негусто... ознакомься вот для начала... списочек один тут завалился, специально для тебя. Ничто не режет глаз?

В самой обычной картонной папке первым был подколот обыкновенный лист четвертого формата, действительно содержащий пронумерованный список из сорока девяти строк. Фамилии, имена и отчества, расположенные в алфавитном порядке, и кое-что еще. Заглавия не было, и Брага с первого взгляда не увидел в перечне ничего особенного, кроме одного: некоторые фамилии дублировались... должно быть, это семейные пары или родственники... Похоже на то, но спрашивать не отважился – захочет, сам скажет. Заканчивались строки однотипно – датой, причем их строгой последовательности не наблюдалось. Год везде был текущий, но в конце первой строчки значился май, вторым шел февраль, последним – июнь... полный разнотой. Ерунда какая-то... но в серьезном кабинете ерунды не место... Кто эти люди? Вот влип...

– Режет? Да нет как будто... не совсем... а должно?

– Ах, да, я же не сказал... Это – пропавшие без вести по городу и области за полгода... точнее уже почти девять месяцев, да... незакрытые... то есть ненайденные... ну, ты понял. Кроме тех случаев, где так или иначе получен результат. По вот этим пока ведется, гм... активная разработка.

Ой ли?.. пока... активная, кто бы сомневался... Кому, как не Тихону, съевшему за сыщицким столом немало зубов, сразу стало ясно как день: ни шиша там не ведется и никогда не велось. Разработка суть понятие чисто номинальное, от слова «работа», а по этим так называемым «случаям» никто не работает. Так, опросят кого придется, в основном заявителей, и все дела. Исключение – когда исчезает жена, муж, еще какой родственник, особенно при деньгах: тогда в первую голову присмотрятся, не муженек ли или соответственно благоверная с прочей родней пришили дорогую пропажу, как в большинстве и выходит. Традиция, что поделаешь.

Касательно истинных исчезновений – увы... Нет, если по пьяни либо дурасти заблудился где-нибудь в трех соснах, то рано или поздно найдется, и чаще всего сам. А коли действительно пропал – оно пропал и есть, и результат – это, как правило, труп. Нашли – закрыли дело, нет – выходит «иначе» – ждем-с, пока всплывет...

То бишь полысевшему, но так и не поумневшему соискателю заместительского кресла предлагается отведать заведомо несъедобной тухлятины. Испытание огнем в паровозной топке. Ибо эти всяки давным-давно мертвы, если не в общепринятом смысле, то уж в милицейском – сто процентов. Вот так, дорогой друг-соученик Тиша. Пиздец тебе, а не должность, звание, ранг и так далее... а о чем это наш Сереженька еще глаголет? Брага, оглохший от внезапно замолотившей в ушах пульсовой дробы, поглядел на шевелящиеся начальственные уста.

– Так и не просек, значит? Эх ты, а еще следак, профессионал, так сказать... Я-то в момент узрел... восьмой... нет, девятый сверху. Ну?

Тихон глубоко вздохнул, удерживая в груди рвущийся наружу мат. Девятый, говоришь?.. Так и быть, смотрим с первого. Итак: Алимов Наримхатбек... Отчество – Мулломежанматджи... как там дальше?.. ой-ей-ей... Бог с ними, с отчествами... Арцыбашев Никита... Босая Ангелина... Пропадала-то обутая или как?.. Бобров Кирилл... Буров Тимофей... Вишневский Петр... Возницын Михаил... Григорьева Софья... Гуров Антон Романович... Фамилия, безусловно, знакома каждому менту в стране... ну, рядовым-постовым вряд ли, а носители более-менее весомых звездочек должны знать начальство в лицо или, по меньшей мере, по фамилии... но как раз фамилия далеко не самая редкая. Елки-палки!.. Не может быть!

– Ага! – повеселел сердечный друг при виде охренения на подначальном лице, – Понял наконец, о чем сыр-бор?

Понял-понял... а почему я не увидел?.. не ожидал, ясное дело... да ведь парламентский куратор всех отечественных юристов, быстро идущий в гору приспешник Самого, никакой не Роман, и нет у главного законника ни одного сына! Дочки есть, а сына – нет, точно. А еще – здесь пара, я их и посчитал за отца и дочь – за Антоном следует Гурова же Светлана Антоновна... а если это дочь и есть?.. Тыфу ты, совсем ополоумел... да-а, пора на пенсию – раз-

ница-то в возрасте у них меньше десяти лет! Какая там дочь... ладно, это потом... выходит, родственник? Вот те на... И все-таки что-то тут не так. Если это наш, а один из налоговиков действительно носит знаменитую фамилию, тогда почему шум не подняли раньше?! Дата – вон она... без малого половина месяца прошла! Он ни в каких сводках не упоминался, я бы запомнил... в чем дело-то? Все же тезка? И Брага поднял на руководящего однокашника недоуменный взор.

– Вы меня разыгрываете? Ну и шуточки у вас, Сергей Аппо...

– Сядь, блин! – хлопнул по столу Пожидаев, – Какие шутки! Племянник это его, двоюродный, никакой не сын, тут ты прав. Но нам от этого не легче. И не переживай, я этих, попутных, тоже далеко не всех знаю... и знать не хочу... но, согласись, и не будь он высоких кровей – все равно наш, система одна. Надо разбираться.

– А почему?..

– Раньше не трубили? – снова подобревший Серега повторно извлек на свет божий коньячную емкость, – Давай отрепетируем, а то как-то не достало...

– Я... – «репетировать» непьющему Браге очень не хотелось, но отказаться значило не оправдать высокого доверия, – Может, я за лимончиком?.. Или яблочко хотя бы...

– Без закуски не можешь? Узнаю, узнаю тихоню... Вот, конфетка есть. Устроит?

– Да-да, вполне... – черт, придется оставить «Ладу» под обстрелом подлых птах, а завтра отирать говняные кляксы – после двух порций коньяку сесть за руль Тихон не мог чисто принципиально, – Спасибо.

– Ну, ты понял: по остальным если чего прояснишь – честь тебе и хвала, – вместо тоста напутствовал шеф, – Но главное – Гуров... то есть Гуровы, разумеется. Привлекай, кого сочтешь нужным – даю зеленую улицу. Не стесняйся.

– Докладываю, – проинформировал начальник территориального отделения, по географическому принципу первым получивший клизму из-за налоговой утраты, – Потерялся твой Антошка не полторы, а две с лишним недели назад.

Брага поцокал языком, и опер с погонами капитана грустно-понимающе кивнул. Да, шансов и через неделю практически никаких, а каждый день промедления существенно снижает и без того мизерную вероятность отыскать хоть какой-то след.

– Выгребать пришлось мне, а я-то тут при чем?! Но начальству, как водится, виднее... так вот, он ездил на их мытарский междусобойчик в честь то ли Дня пива, то ли трехсотлетия Гангута, гудели где-то под Выборгом... А наутро на службу не вышел. Суббота, подумали – наемдни перебрал слегка, с кем не бывает... к обеду только спохватились, поискали, не нашли, связи никакой, телефон молчит, решили подождать до понедельника...

В понедельник не прояснилось ровным счетом ничего. На звонки по домашнему и мобильному телефонам никто не отвечал, машина, как ни странно, стояла вблизи дома – Гуров очень берег свой «Брабус» и обыкновенно пользовался охраняемой парковкой в полукилометре от жилища. Самое интересное началось, когда стало известно: ни дома, ни на работе нет и его жены. Супруги гуляли на корпоративе вместе и возвращались поздно ночью вдвоем, причем, со слов сослуживцев, за рулем по причине трезвости сидела именно она.

Мытарь, как было известно в информированных кругах, кристальной честностью не отличался (а иначе как он смог бы кататься на новеньком, с иголочки, мерседесовском суперджипе?), но и внаглую не мздоимствовал. Но мент есть мент, и врагов у каждого из них в криминальном мире хватает, а уж налоговики в этом смысле контингент особый – не соприкасаясь с убийцами и бандитами напрямую, эти служивые могут оказаться под прицелом наравне с убийниками. По такой логике мысль о возможном сведении счетов кем-то из обиженных казалась вполне закономерной.

Была еще одна нигде не упоминавшаяся, и вместе с тем, пожалуй, самая существенная непонятка: Гуровская мобила, как у всех относительно крупных и в силу служебного положения особо привлекательных для криминала чинов, имела функцию «маячка». То есть при необходимости скрыть свои передвижения от недреманного ока такой фрукт мог запросто – оставь меченый аппаратик дома, с собой носи другой, чистый, вот и вся недолга. Но это – при необходимости, а в тот самый вечер ее у мытаря не было, и запись высветила весь его маршрут, включая и загородный пикничок, и обратный путь вплоть до самого дома, точнее, до подъездной дорожки, где он обычно останавливался, высаживал жену, а потом уже один ехал на стоянку. Джип, ведомый боевой подругой, приехал, остановился, и – все. Сигнал пропал, вместе с ним пропал и сам Гуров, и его супруга, а дорогуший внедорожник остался, и его объемистая туша создала немалые трудности для остальных жильцов, как следовало из надписи на пыльном боку: «Хозяин, убери меня, а то поцарапают!». Мистика...

– Мистика какая-то, ей-богу! – районный полисмен поднял руку, словно собираясь перекреститься, но вместо этого почесал по очереди лоб и затылок, – Пусть бы просто грохнули его... их... прямо там, так нет же!

– А почему ты думаешь – не грохнули?

– Так ведь следов же никаких! Ты его видал? Амбал еще тот, как комарика не прихлопнешь... сам кого хочешь одной левой... И не слышал, не видел никто ничего подозрительного! Правда, там и спрашивать некого – район престижный, тихий, все свои... а возвращались они поздно, даже собачники уже расползлись по норам.

– А камеры? – с надеждой поинтересовался Брага, заранее понимая: вопрос пустой, – Не может быть, чтобы не было их там! Или может?

– Да были, были! – капитан досадливо отмахнулся, – Были, как не быть... а теперь нет... они, тамошние бугорки, сообща надавили где надо, типа по какому праву за ними, так сказать, надзирают, вот и сняли, над подъездами и то висят чисто для виду... нет, на стоянке – пожалуйста, аж три штуки, и на ближних перекрестках, а прямо у домов – ни фиги. Вот и вышло – такая херня, и без пригляду.

– И все-таки я бы взглянул записи с той самой, на перекрестке... на всякий случай... Сохранили?

– Ну, ебть... а как жеж... вон, ждут. Смотри, нюхай. А ну как и высмотришь чего...

Высмотришь тут... До рези намозолив глаза о мониторные картинки, Тихон Савельевич проклял свою так не вовремя взбрыкнувшую фортуна. Движение на самом, по его мнению, перспективном участке дороги интенсивным никак не назовешь, мелькали там исключительно местные крутые авто. Исключение составил лишь светлый фургончик явно медицинского назначения, с соответствующей надписью на боку – он заставил следователя воскликнуть «Эврика!», бросить все и стремглав рвануть обратно в райотдел, дабы попытаться успеть к остывающему железу. Ковать по горячему, к сожалению, не выйдет, теперь вся надежда на обычное разгильдяйство – вдруг да забыли стереть данные с камер, направленных на проезжую часть под меньшим углом?

– А с курьером не мог отправить? – по-давешнему скорбно осведомился территориал, – Сам решил вернуть наши записки? Ну, давай...

– С каким курьером? – переполненный эмоциями Брага не враз понял, о чем речь, – Вернуть? Наоборот, за добавочкой, потому и сам... курьер – он курьер и есть, кроме скорости толку никакого. А ты, брат, накрутил... Мистику приплел... инопланетян бы еще, с тарелками... когда вы, блин, наконец научитесь работать?!

Незаслуженный упрек подействовал на флегматичного районного начальника, как кнут на усталую лошадь: сил не прибавил, а на дыбы поднял. От возмущения тот забыл о грусти.

– Ни фиги себе! Мы к нему с полным пониманием, а он... или откопал-таки?

– Ну, откопал, не откопал – судить пока рано, а вот если бы ваши парни раздобыли записи еще с камер по большому периметру...

– Так не вопрос... а что искать-то?

Искать, по мнению просветленного догадкой следователя, надобно белый микрик, проехавший во-от в такие часы-минуты, дабы разглядеть номер и, желательно, седоков, а также хотя бы приблизительно прикинуть маршрут.

– И...?

– Время, время! – Тихон менторским жестом указал на экран, где номер авто не поддавался идентификации, – Время выдал?.. фургончик этот приехал туда за добрый час до их, Гуровых, возвращения, а уехал – вскоре после. Понятно?

– А по-моему, это ничего не дает, – не согласился упрямец, – Ты, часом, не забыл – этих скоропомощных развелось, как грязи. Панади... дэмия же, етить ее мать!

– Пандемия пандемией, а установить не помешало бы. Опрос среди жильцов провели – кто вызывал, по какому поводу? Врачи какой-никакой след оставили – рецепт там, заключение, направление? А?

– Опрос? – снова загрустил капитан, – Опрос, знамо дело, проводили... только на эту тему – придется заново... может, вы уж сами?..

– Еще чего! Ляпы ваши, вы и подчищайте. Обойдите жильцов всех, подчеркиваю – всех квартир в этом и соседних домах, заодно собачников – кто-то из них мог запомнить приезжавших медиков или, еще лучше, номер машины. И завтра же! Ну, и камеры, камеры обязательно. Видео – было бы классно.

Возможно, сохранись видеоинформация, удача улыбнулась бы грядущему пенсионеру, озарив сверканием звезд и регалий, но, увы, увы... Пытаться высмотреть медицинский фургон среди тысяч автомашин, попавших в подходящее время в поле зрения контрольных камер по всему городу – заведомо гиблое дело. И расспросы соседей ничего не дали, тем более – кое-кто из присутствовавших успел разъехаться по морям, дачам, заграницам... Уныние и грусть.

Догадка осталась догадкой: по его мнению, налогового мента каким-то образом, скорее всего угрозами, особо эффективными благодаря присутствию слабого звена в лице супруги, заставили пересест в микроавтобус и увезли в неизвестном направлении. Телефон? Разбили к чертям, и все. Жена? Эх, жена, жена... Насколько проще все было бы без этой досадной помехи! Очевидно, ее взяли с собой, а потом – избавились как-нибудь. Да и от него, надо полагать, тоже уже давно... и никто не узнает...

– Ой, помру я, помру я... – тихонько вывел майор, – Похоронят меня... И никто не узнает, где могила моя!

Жалобная песнь, впрочем, посвящалась не безвестно канувшим Гуровым, а самому себе, безвинно через них страдающему. Безвинно, а к тому же бессмысленно!

Имелась у следопыта и запасная версия, но ее разрабатывать без ведома начальства было смерти подобно. Когда Пожидаев, выслушав безрадостный рапорт, махнул в сторону двери: мол, проваливай, Брага на полпути развернулся.

– Вот мы ищем-свищем, всех на уши поставили... а мальчик как таковой – был?

– Ты это о чем? – нахмурился шеф, – Какой, на хрен, мальчик? А-а-а...

– Вот именно. Может, его никто и не того? Я о чем подумал: а у них, смежников, на нашего пропавшего... часом, ничего не было?

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь развязным щебетом заоконных птах, наверняка подслушивавших и теперь затеявших прения: сразу казнят дерзкого майора или дадут чуток помучиться?

«Ну, ты спросил – созерцая молча катающего по столу карандаш Серегу, подумал Тихон, – Сейчас получишь... и кто тебя за язык тянет?»

– Было, не было... – после физкульт-минутки ожил полковник, – На любого найдется, если поискать... конкретнее они вряд ли скажут. Но ты на всякий случай поинтересуйся... у тебя, чай, есть кого попытать, или нет?

– Уже спросил. Было. Копали под него, точно.

– И насколько серьезно? Неужто брать хотели?

– Это маловероятно, в свете родственных, так сказать, связей. А отстранить от кормушки, перевести на менее опасный, кхм... участок – легко. Так он же об этом мог и не знать... пронюхал – пасут его, связь отключил и рванул огородами... где камеры – он не хуже нас знает... сидит себе за бугром, а мы тут роем...

– М-да, возможно, возможно. А жена?

– Что – жена? Зачем?

– Не знаешь, зачем жена? Или забыл уже?.. Ох, Тиша, Тиша... Самому рвануть – это я вполне допускаю... тем более у нас границы, сам понимаешь, для разумного человека с деньгами – как шлагбаум для воробья... а женщина – другое дело. Согласен?

– Да... – нет, номер не пройдет, спихнуть ношу на чужие плечи не удастся, – Женщина, конечно...

– Вот-вот. Мужичу належке слинять – как два пальца обосцать, а бабе – не-ет... Ей же только косметики центнер нужен, платья всякие, побрякушки, туфельки-колготки... Так что давай, родной, ищи дальше. Хорошо ищи.

– Ищу, Сергей Апполинарьевич, ищу.

– Знаешь, – придержал снова направившегося к выходу Брагу начальник, – Ты думал точно как они. Извини, сразу не сказал, запамятовал...

– Кто – они?

– Эти, налоговые. Они тоже допускали возможность – слинял обормот, чтоб не взяли в оборот. На границах переполох устроили, фейсконтроль... все без толку. Поэтому и нам не сообщали – надеялись, сами найдут.

«Ага, – обозлился следопыт, – Запамятовал он, как же! Проверял, песья морда, допру я или нет... вот же мудак, прости господи!»

– Прямо так с ходу – перехват объявили? В ту же ночь? Наутро, в конце концов? Или...

– В том-то и дело, что – или. Тревогу подняли во вторник, на четвертый день, когда он, если действительно подался в бег, сто раз успел проскочить. И жену, коли всерьез намылился, мог заранее предупредить, чтоб собралась потихоньку, и аварийный запас где-нибудь организовать. Счета его неплохо бы проверить, это тоже теперь твоя задача... ну, и она. Ты, я так понял, уже знаешь, насчет нее? В смысле, ее золотишка?

– Что была на той вечеринке при полном параде? Да, доложили. Странно, не так ли? За город, на ночь глядя, и все самое ценное нацепила...

– Вот именно. Будто знала – пригодится, и времени на сборы не будет. М-да... и в сумочку к ней никто не заглядывал, через металлодетектор не пропускал... Но ты все равно ищи, не расслабляйся.

– Я, товарищ полковник, никогда не расслабляюсь! – младший советник молодцевато развернулся и вышел за дверь с гордо поднятой головой.

Возражать командиру легче уже в коридоре, мысленно: «Еще и счета... Будто все так просто: дзинь-дзинь!.. Это банк?.. А это я. Как кто? Не узнали... странно...» Трам-тарарам!

– Почему не узнала? Тихон Савельевич, что с вами?

По полу рассыпались чашки-ложки, булочки-печеньки...

– Ах, Галина Васильевна! Вы любого сведете с ума... Я от вас совсем теряю голову! Позвольте, помогу...

– Нет, спасибо, я сама. Голову он теряет... Двадцать лет тут хожу, никто не терял... Не узнают его...

Брага натянул на лицо смущенную улыбку. Оказывается, он едва не сбил с ног заведующую делопроизводством. И что – сам с собой говорил?.. Ну, ва-аще... Нет, пора, пора... На чем мы там остановились?.. «Вам, банкирам, нас, ментов, полагается узнавать с полуслова! Теперь узнали? То-то же... А доложите, дорогие мои, в темпе вальса, и поточнее, сколько там у вас лимонов на счете во-от этого беглого гражданина, вашего клиента?.. И в сейфах уж заодно гляньте. Откуда знаю?.. Откуда надо, оттуда и знаю... И помедленнее, я записываю!.. Ах, как мы все испугались!.. Да-да-да, конечно-преконечно, сей момент!.. Расстарались... Ох-хо-хо!.. А ведь неважные дела твои, Тихон свет Савельевич! Ох, неважненькие... прямо скажем, херовые делишки!»

Между тем проклятый список определенно содержит пока непостижимые для следственного рассудка нюансы. Брага с первых минут пытался выискать среди фамилий и дат какую-то если не закономерность, то привязку – к месту, времени, событию, но – тщетно. А ведь она есть, есть, надо только уловить, и тогда клубок пусть не развяжется в одночасье, так хоть ниточка-зацепка появится, а потом – дело техники, опыта, упорства, в конце концов!

Опыт, опыт, сын ошибок... А если интуитивная версия о «самопохищении» главного фигуранта все-таки ошибочна, то и продолжать-то он не сможет – идти некуда, впереди глухая стена и по бокам темно. Сереге опять звонили, намекнули на строгие меры в случае чего. Чего? Ясно чего... не найдешь ты, найдут тебя, и тогда уж мало не покажется – ни самому начальнику, ни уж тем более тебе, без пяти минут пенсионеру. И будешь ты уже не без пяти минут, а – тут же, мигом, как только выяснится: толку с тебя никакого. И пособие назначат отнюдь не такое, о каком ты, горе-сыщик, размышлял, а совсем, совсем другое... Неужели ошибся?

Именно это пришло на ум после ознакомления со слезными письмами отца-матери, точнее отцов-матерей – и Гуровы, и Демьянцевы, папа-мама Светланы, в один голос просят найти пропавших, твердя: ничегошеньки об их судьбе не ведают, подозревают самое худшее и надеются лишь на доблестных сыщиков. Получается, в самом деле канули не по своей воле? Ибо он, налоговый хват, наверняка знал, на что идет, заранее все продумал, приготовился залечь на дно... но жена его – молодая, слабая... просто женщина, в конце концов... она ни за что не удержалась бы, чтоб не сообщить матери: «Не волнуйся, мамочка, я жива-здорова...», нет, не удержалась бы – она же не разведчица какая-нибудь, а обычная баба, начинающий, блин, предприниматель. Хозяйка аптеки.

Двух годков не прошло, как стала владелицей, а до замужества – заурядная дамочка в белом халатике: «Позвольте ваш рецепт... получите лекарство, по одной три раза в день...» Выйдя за Гурова, и в Америку слетала, катались там весь медовый месяц (не помешало бы уточнить, где конкретно?), и брошки-колечки с неслабыми каратами заимела... Хапуга он все-таки. Ну, или взяточник, какая разница... А ты уж не завидуешь ли, дорогой? Не-е, ни в коем разе. Нечему тут завидовать...

Кстати, о ней, Светлане. Муж-то он у нее не первый, а уже второй – успела после института выскочить за какого-то парнягу и через пару лет развелась, можно сказать, сбежала – поколачивал ее благоверный. А кто он, куда делся? Мать говорит, так и не поняла толком, где доча откопала эдакое сокровище, знает лишь – Мишей кличут, Прудниковым... только какой-то эдакий он – для нее, матери, а Брага уже узнал – судимый, сидевший, и местонахождение его в настоящий момент неизвестно. А если это он, безобразник, организовал всю темную историю? Розыск объявлен, само собой, только когда еще разыщут? Сам ты – так бы и кинулся, искать-рыскать? Сколько их, таких искомым, ходят-бродят под носом, в ус не дуют? Ох, неважные дела, о-хо-хо...

Начальнику хорошо – выбрал из табуна лошадку покрепче, взнуздal, запряг, и погнали с ветерком по зеленой улице... а коль у рысака прыти маловато, так мы его кнутом, да с оттяжкой! Кстати, об этой самой улице: неужто не сработает? Ведь указал в ориентировке на

гражданина Мишу: особо срочно, чрезвычайно... Вот и проверим заодно, какого цвета светофоры на наших трассах.

Глава вторая

24 апреля 2020 и ранее Сорок один

– Узнал? – таково было последнее человеческое слово, услышанное пропавшим иноком Феодором в его несправедливой земной жизни. Дальше – тишина, нарушаемая лишь его собственным сопением, руганью и пердежом.

Вообще-то он никуда не собирался пропадать. Исчезнуть, точнее смыться – другое дело, поскольку грозила, выражаясь близким его нынешней ипостаси языком, кара неминуемая. Ибо грешен был Игорь Суров, ох, как грешен... да и неразумен изрядно. Глуп, попросту говоря, хотя и мнил себя умнее всех. На том и погорел.

Ближнее село, позже пригород, а с развитием урбанизации окраинный микрорайон Ростова-на-Дону, называвшийся Огородники, для местных Огороды, внешне ничем особенным не выделялся – не было здесь архитектурных изысков, памятников седой старины и прочих достопримечательностей. Главное отличие крылось глубже. Среди обыкновенных законопослушных граждан, составляющих подавляющее большинство здешнего населения, едва отыскался бы десяток-другой, осведомленных, к кому и куда обратиться по душевной потребности, иначе говоря, за дозой. Вот этих самых душеспасительных местечек в Огородниках имелось больше, чем во всем остальном городе вместе с областью.

Обширная сеть наркобизнеса, подобно паутине, накрыла южную провинцию целиком, ловила в свои липкие объятия жадных до кайфа простаков, и вырваться из нее после первой же понюшки, а тем паче укола очень трудно, почти невозможно. Ну, а где тенета погуще, там и пауки – от самых мелких, проворных и тощих, до крупняка – пузатых, солидных и на первый взгляд ленивых. Эти владельцы кто одной-двух ячеек, а кто и приличного куска сети, зорко следили за своими вотчинами и посторонних к кормушке не подпускали.

А мелкому жучку-паучку Игорешке Сурку повезло – умудрился втереться в доверие к «огородному» воротиле, почитай тарантулу, окрутив его малолетнюю тогда и любимую дочурку. Да, внебрачную, да, проживавшую отдельно с давно забытой хозяйном округи спившейся мамашей, и все же, все же... Жениться вдвое старший ухажер не спешил, но всячески выказывал самые серьезные намерения, глупышка отвечала взаимностью... все шло путем, пока номинальный зять не вляпался в нехорошее дельце – взял «на реализацию» крупную партию товара у горячих парней с Кавказа, да и кинул последних. У обманутых возникло обоснованное стремление получить сатисфакцию, пришлось обратиться за прикрышкой к будущему тестю, случилась разборка с трупами... кто-то стукнул, кто-то звякнул, на горизонте замаячила полиция.

Игореша струхнул, подался было в бега, но был снят с трапа самолета; следовательно взглянул в бегающие глаза, все понял, предложил сотрудничество... О собственной роли в деле жучок благоразумно умолчал, зато про своего благодетеля наговорил столько всякого, что Фемида по такому случаю прозрела, и папа несостоявшейся невесты отправился за решетку, напоследок внятно посулив «зятюку»: «Я тебя, Гаря, закопаю!» Поскольку шутить такими словами и тем более бросать их на ветер в Огородах не принято, жених поставил перед собой гамлетовский вопрос и сделал выбор в пользу «ту би». Остальных полагалось убедить в обратном – он отныне «нот ту би».

Суров-Сурук неделю прятался от всех и вся, мыкался по чердакам-подвалам, а к исходу седмицы созрел, решился и написал любимой прощальное письмо на заранее обрызганной соленой водичкой бумажке. В кратком послании покался в содеянном и открыто изложил намерение навсегда кануть в донскую пучину, а завершил словами «Прости за все, передай

папе мой нижайший поклон и, прошу, не плачь. Бог мне судья, Он явился во сне и указал путь – путь страшный, но такому как я, Иуде во плоти, иного, видно, не дано. Искать меня живым не стоит трудов, а коли не доедят раки – отыщут водолазы».

Так впервые безвестно пропал Игорь Федорович Суров. Искали его, разумеется, тщательно, причем не пожарные и не милиция, а люди серьезные, сердитые и знающие в таких делах толк. По всей стране мгновенно разлетелись петиции с подробным описанием внешности искомого и его фотоизображением, благо интернет способствует; к розыску подключилось все паучье племя от мала до велика – соратники, их бывшие сокамерники, подельники... Увы, принятые меры результата не дали, через полгода невеста сняла черное и вернулась к прежнему разгулу, братва понемногу успокоилась – похоже, Гарик-Сурок и впрямь утопился сдуру. Или со страху – немудрено.

Некоторые сомнения у отдельных наиболее посвященных все же оставались, ибо вместе с несостоявшимся женихом исчезла малая толика накопленного в приданое золотишка да камушков плюс чуток валюты. И – самое интересное – его паспорт. На дне-то и одно, и другое, и третье вроде как ни к чему... А по прошествии нескольких месяцев в городе на Неве словно из ниоткуда возник некий неопределенных лет мужчина, называвший себя «инок Феодор». Ему можно было дать и сорок, и шестьдесят, лицо скрывала клочковатая седая борода, волосы – нечесанные и тоже с обильной проседью – висели неопрятной гривой. Сутулый, худой, прихрамывающий старец поселился в шалаше, своими руками обустроив его в одном из полуразрушенных безымянных склепов на Северном погосте северной же столицы.

Одевался странный поселенец под стать прозвищу – носил подпоясанные веревкой полотняные штаны, грубую черную безразмерную рубаху с выпущенным поверх нее медным крестом, суконную шапку, кирзовые сапоги, а в холода – еще и пальто-балахон, тоже суконный и серый. Полиция мужиком вплотную не заинтересовалась, настоятель ближнего храма посмотрел на его убогое жилище, вздохнул, молвил: «На все воля Божья», осенил крестом и оставил без дальнейшего внимания. Зато слава о новоявленном отшельнике разнеслась среди местных бабuleк, и у инока вскоре образовалась своя паства. Сердобольные старушечки могли часами стоять у склепа, ожидая появления «старца» и держа в руках принесенные дары – ломоть хлеба, кусок сала, пяток яиц...

– Благослови, старче... отец родной, – бормотала очередная паломница, отбивая земные поклоны, – Выслушай и помолись за меня, грешную...

– О чем ты, милая? – с ответным поклоном вопрошал «инок», – Нет у меня права благословения, и сана нет... помолиться, конечно, могу, да слово мое для Господа не ценнее твоего...

– А все же послушай, не брезгуй, надежа наша, – настаивала верница, и к ногам отшельника ложился узелок, – Прости за малость дара моего, слова только одного прошу! Близки уста твои к уху божьему, святое смирение твое не равно нашим, не чета ты нам, простым смертным!

– Ну что ж, говори, с чем пришла... Коли надеешься на Божью милость – не отвертит Отец слов твоих... ко рабам его всем аки к единому приидет прощение и дано будет дозволение на вящее соизволение...

В процессе выслушивания всевозможных просьб Феодор многократно крестился, предлагал «всемерно и непременно покаяться во грехах, равно свершенных, а паче помысленных» и путаной скороговоркой бормотал нечто неразборчивое, в конце каждой фразы добавляя «Господу миром помолимся» и «Господи снизойди, помилуй рабу твою (далее упоминалось имя дарительницы)». Дары не оскудевали, и голодная смерть ему явно не грозила.

Миновал год, понемногу истекал другой, и пришелец перестал уже казаться посторонним, сделался неотъемлемой частью хмурого могильного пейзажа... с весны до середины осени пребывал в шалаше, чем занимался, какими мыслями маялся – никому не ведомо. А с наступлением холодов инок на ночь не оставался – едва начинало смеркаться, покидал склеп и непри-

метными тропками уходил через пролом в задней кладбищенской ограде, направляясь к ближним многоэтажкам.

Здесь у него имелась снятая на подставное лицо квартира, где можно было отогреться в ванной, посмотреть телевизор, особо интересуясь судебными новостями, и заняться другими, мирскими делами... но, избави господи, никакого телефона и тем более интернета. Тяжкие думы ежедневно и еженощно одолевали отшельника, и не напрасно – поводов для переживаний, увы, хватало. Не ладилось пока главное, ради чего прибил к мшистым невским берегам.

Среди прочих забот одна мучила Игоря-Феодора больше всех, а именно – сменить наконец мирское имя, заполучить надежные документы и податься за кордон, потому как грызла его сердце неясная тревога. Знал, он, доподлинно знал: сидеть его несбывшемуся тестю еще не один год, ведь своими ушами слышал приговор «восемь лет с отбытием наказания в колонии усиленного режима», но спокойно спать ночами не мог.

Все чаще просыпался от страха, увидев во сне примерно одно и то же: лежит он, несчастный, в железном гробу, зарытый мстительным злыднем в холодную землю, и нет ему ни малейшей надежды на спасение. Проснувшись, подолгу лежал, унимая сердцебиение, вслушиваясь в ночную тишину. Мысли метались-разбегались, и успокоиться удавалось не сразу. Неужто обманулся, и жуткий сон – в руку? Не-ет, это – не про него. Есть у него надежда, есть, и зовется именно так: надежда. Только с большой буквы. На ее алтарь пришлось возложить добрую часть унесенных в клюве драгоценностей, но оно того стоило, и теперь оставалось подождать – по ее словам, немного, уже совсем немного. Эх, Надя... вся вера теперь – в тебя, хоть и не святая ты...

Рыжая Надька Улитенко, увидав его на пороге, сначала не узнала в худом, заросшем волосами и грязью бродяге прежде упитанного, аккуратного и выбранного бывшего одноклассника.

– Чего надо? – выверилась она, – А ну пошел вон!

– Надя, ты что?! Не признаешь? Это же я, твой Гарри Суровый бизон!

Именно так она звала его весь последний учебный год после самодеятельно поставленного и сыгранного на школьной сцене мюзикла с ковбоями, салунами, кольтами и индейцами. Они дружили, отношения из невинной полудетской привязанности могли зайти и дальше, но... его повлекло в одну сторону, ее – в другую. Надя укатила в Питер с каким-то морским офицером, на поверку оказавшимся банальным женатиком, а он – он загремел в армию, отслужив – по льготе поступил в нефтехимический техникум, где зря потерял три года жизни.

Недоучившийся нефтяник понюхал реального «черного золота» и трудового пота, решил: это не по мне, стал искать в жизни пути полегче и попал в орбиту притяжения больших людей и больших денег. Время шло-летело, пришли совсем другие понятия, дела и заботы, школьная влюбленность забылась... как оказалось, не совсем. На встрече выпускников, где отмечали двадцатый год с окончания школы, Надька под мелодию танго Пьяцоллы недвусмысленно прижалась к его груди.

– А что, бизон, не вспомнить ли нам наш салунчик?

– Я – как пионер, – повинувшись не то зову прошлого чувства, не то алкогольному дурману, ответил «индейский вождь», – Всегда готов!

Вечер окончился в гостиничном люксе, и тогда же она, угощая виски, намекнула: ей в Северной Пальмире часто бывает одиноко и скучно, живет одна в большой квартире, в полном шоколаде; мужа, во всяком случае постоянного, нет, детей тоже.

– На какие шиши? – полюбопытствовал одноклассник, дымя предложенной к стаканчику дешевой сигарой, – Такое изобилие? Где на все на это можно бабли раздобыть – хата, мебелька, тачка... да в самом Питере... заливаешь ты, а, подруга?

– Где раздобыть? – усмехнулась Надежда, – У тебя, родной, такого места нету...

Они тогда два дня и две же ночи из номера не выходили. Игорь просто ошалел – никак не ожидал от школьной товарки столь виртуозного секса... тут-то до него дошло, каким местом и каким ремеслом зарабатывает на жизнь одинокая красавица. Она улетела, сказав на прощание: если заглянет когда – будет рада. Он под влиянием хмеля пополам с любовью похвастался: мол, при удачном раскладе рассчитывает занять крупные суммы в твердых валютах, тогда и в гости – запросто... а коли появится, например, с брюликами – как у нее с реализацией?

– Ежли не пустой треп – давай, подруливай. Найдутся нужные люди, с хорошими деньгами... я так поняла – камушки отмывать придется... ничего, справимся. Только ты ж мальчик несерьезный... Ну, бывай здоров. Спасибо, уважил, бизончик.

С ее, Надькиной подачи Гарик за неделю перевоплотился, она же помогла с жильем, подсказала «легенду», и хромота – ее идея.

– Ищут тебя молодым, чернявым да резвым... а ты – вот этой красочкой по патлам с бородищей пройдишься... подновляй раз в неделю и мой пореже... а под коленку планочку привяжи – вот и сколченожишься... старый, покалеченный – кому ты нужен?

При виде извлеченных из поясного тайника побрякушек одноклассница присвистнула: недурственно. Сам он оценивал отданные на реализацию камни не менее чем в миллион, не считая оправ, из этой суммы ей предлагалась четверть, еще столько же – за чистый новый паспорт, визы и гарантированный транзит до Хельсинки. Свою долю рассчитывал получить в валюте, лучше европейской, и тогда – прощай, немытая Россия! Ждал, терпел, маялся бездельем, скрипел зубами от мучительного бессилия... Дождался. В полдень к склепу подошла ряженая под старушку девка, увязанная платком до глаз, сунула узелок.

– Надеждой, одной надеждой живем, старче, – пробормотала заранее условленную фразу, – Кто надеется, тому воздастся!

В ароматной краюшке «Бородинского» оказалась записка: «Сегодня вечером. Звонок наш».

Ну, вот и все! Конец мучениям. Услыхал Господь... не зря, не зря страдал я, грешный! Прослезившийся инок, сам удивляясь внезапно пришедшей вере непонятно в кого и во что, отвязал от левой ноги ставшую ненужной фанерку, опустил на колени и вознес молитву, половину слов придумывая по ходу: «Отче наш святой, иже еси ты на небесах сиих, благодарю за дарованное рабу твоему чудесное спасение. Век буду молить и восславлять хвалу тебе, да будет вечное благословение...»

С трудом дождавшись сумерек, Феодор поспешил в съемную берлогу, скинул пропахшие потом вериги, принял душ и взял в руки давным-давно ожидающую своего часа машинку для стрижки волос. Через час на него из ванного зеркала глянуло уже почти забытое лицо. «Ты смотри, что святость с человеком делает!» – подивился Игореша, разглядывая невесть откуда взявшиеся морщины на лбу и щеках, какие-то скорбные складки у рта и глаз, да и выражение самих глаз показалось новым, каким-то значительным, что ли. Только-только успел выпить стаканчик водки, закусить сальцом с тем самым хлебушком, принесшим благую весть, как в дверь позвонили... ну, ну... в тишине отрывисто прозвучали пять коротких трелей. Да, так и уговаривались с Надеждой, Наденькой, Надюшей...

– Узнал? – вместо приветствия спросил совершенно не похожий на благодетельницу человек и, не дожидаясь ответа, ударил распахнувшего дверь и рот «бизона» чем-то тяжелым по голове.

Хорошие юристы в любой, самой строгонравной стране могут очень и очень многое, особенно за очень хорошее вознаграждение. Любому человеку не хочется терять восемь лет жизни, сидя за решеткой, и ростовский наркопаук отнюдь не был исключением. Еще не стихло эхо удара судейского молотка, отмерившего срок отцу безутешной невесты якобы утонув-

шего Сурка, как закипела работа, направленная на смягчение участи несправедливо осужденного, именно так называемого в многочисленных апелляциях и ходатайствах.

Кипела-бурлила, и в результате вместо восьми усиленных вышло три обычных. Их тоже подсократили, учли досудебное, и не успевший сильно похудеть узник без излишней огласки вышел, вернулся в родные пенаты... раскаиваясь в преступных деяниях?.. на свободу – с чистой совестью?.. как бы не так! Вернулся, и снова за свое. Ну а как же иначе – он ведь, кроме этого, привычного уму и милого сердцу занятия, ничего не умеет... И – пошло-потекло зелье прежним путем, к страждущим-жаждущим, а денежки за него – в противоположном направлении, в карманы несущих горемыкам избавление от страданий, радость и веселье.

Одним из главных, если не главнейшим атрибутом истинного джентльмена и просто воспитанного человека является, как известно, верность данному слову.

– А чтой-то я нашего Игорька не наблюдаю на здешнем горизонте? – едва отряхнув с ног тюремную пыль, спросил вновь обретший свободу, – Я ведь, сдается, обещал ему кой-чего? Только не надо мне втирать – типа, утоп непутевый. Не верю!

Кто ищет, тот всегда найдет – это из песни про веселый ветер. В старину было принято говорить «ищущий да обрящет»; еще ведь в Евангелии сказано «ищите, и найдете». Надо лишь не жалеть на поиски сил, времени, усердия и денег. Больших денег, если уж искать по-настоящему. А буде понадобится, то и самой жизни, едрить ее в корень.

Примерно так объяснил своим людям прибывший из мест не столь отдаленных обиженный несбывшимся зятем неслучившийся тесть:

– Это ты, Зяма, мне маляву черкнул, мол вы тут все с ног сбились, а Гарика моего давно рыбки-раки скушали? Ась?

– Так ведь искали же... – потупя взор, робко возразил здоровенный носатый Захар Моисеевич, исполнявший в период отсидки хозяина нелегкие паханские обязанности, – По всему Совку прошлись мелким бредешком...

– Хуёво прошлись! Может, мне вместо него тебя прикопать?.. Чего молчишь? Говори, не стесняйся!

– Ну, зачем ты так... Мы же все...

– Короче, давай, рой по-настоящему. Не мог он, сучонок, без следа слинять. Утопленник, бля! И рыжье на шее, вроде грузика... А не найдешь – пеняй на себя.

– Да я...

– Хочешь, подскажу? Ты сколько за его башку обещал? Ни хера, небось? Угадал?

– Дык, мы же по своим типа...

– Ага. А свои, типа, за так будут горбатиться? Я вот никак не пойму: тебе в самом деле жить надоело? Разгоняй слухок: кто напоет про нашего липового утопленничка – лимон в зубы, без дураков. Понял?

Зяма все понял. Молва о твердо обещанной авторитетным человеком награде за подмогу в розыске обидчика пошла-поползла по просторам бывшего Союза и в один ненастный денек добралась до петербургской окраины, где одна рыжеволосая женщина немного подумала, взяла трубку и набрала номер.

На самом деле его никто не закапывал – вполне сгодился старинный каменный ящик наподобие саркофага, откуда для благородной цели исполнения обещанного вышвырнули истлевшие кости. Возможно, в мимоходом оскверненном прахе некогда обитала душа знатного вельможи времен то ли Павла, то ли Александра – кто знает?.. Полустертые письма на замшелой плите могли бы прояснить вопрос, да только расшифровывать их никому и в голову не пришло. Оглушенному кладбищенскому обитателю вкатили изрядную дозу, привезли к пустующему в поздний час погосту, на руках донесли до места. По злой иронии судьбы, веч-

ный приют мнимого инока соседствовал со склепом, где Игорь-Феодор построил временный шалаш. Молитв и слез не было.

– Ну, подыхай, – кратко напутствовал покаранного грешника «папа», – А мог бы жить, как человек... тьфу!

Не получив в оговоренный срок плату за сданную квартиру, владелец потаенного пристанища ростовского беглеца явился в свою вотчину, открыл дверь своим ключом и убедился: жилец исчез, оставив все невеликие пожитки, а главное – паспорт. Числящийся в розыске житель южного региона Суров И.Ф., временно проживавший без регистрации в Санкт-Петербурге, нашелся. И тут же попал в список уже здешних безвестно пропавших под номером сорок один.

24 августа 2020

В самом ярком детском воспоминании Тихон видел себя стоящим на табуретке возле наряженной елки: он веселит взрослых гостей, причем не примитивными стишками, а загадками. Ему задают, он отгадывает... вот бы вернуть то время и те нехитрые задачки! «Что такое: два конца, два ..., посредине гвоздик?.. Кто живет под крылечком, носит хвостик ...?.. Ни начала, ни конца нет у мамина ...?» Отгадка везде одна: кольцо-колечко.

Между прочим, об этих, кольцах, только не из детских загадок, а реальных, золотых. А еще – цепочках, браслетах, брошках-медальонах. Выяснилось: у них на той самой налоговой тусовке среди жен-подруг затевался какой-то негласный конкурс красоты, поэтому все и пришли в лучшем виде... дурилки. Ну, повыпендривались друг перед дружкой, а смысл? Жюри-то ведь никакого не было, да если б и было – кто осмелится сказать: вот, мол, у второй помзамши наряд с блистюльками получше, чем у первой замши, а то и у самой генеральши? Бабы – они бабы и есть, головы у них исключительно чтоб завивку делать.

А вот насчет Мишки-первача надо дожимать, надо... Потому как с этой вроде «Скорой» – версия, сдается, провальная... машина была, факт... и время совпадает, а толку?.. никто не сказал о вызове – тоже чепуха: вполне вероятно, вызывали запой снимать, в таких вещах признаваться не принято. И надпись там вовсе не скоромощная, а всего лишь «медицинская служба», таких по городу – не счесть, звезд на небе меньше, особенно по нынешним коронным временам. Серега вон, тот в подарок фортуны не поверил, засомневался.

– «Скорую», говоришь, вычислил? Уверен? – хмыкнул юридический полковник, он же старший советник, – Ну, ее отыскать – раз плюнуть. Сколько у нас подстанций? Дай поручение обзвонить, враз все определится – и кто конкретно выезжал, и к кому, и по какой надобности.

– Да там не совсем чтобы «Скорая», – такую попытку Брага уже сделал и получил отлуп – на закономерные вопросы медиков о номере фургона либо других специфических опознавательных знаках он не смог ответить ничего вразумительного, – Просто медицинская машина... на боку полоса, написано «Медслужба»...

– Ты что – вчера родился? Это вообще могли быть военные, санстанция какая-нибудь... клопов приезжали гонять, таракашек...

– Анализы на дому делают опять же... – встрял следователь, – Хотя...

– Анализы, говнализы! – неожиданно взорвался начальник, – Мозги включи! Какие, на хер, анализы среди ночи?!

– Ну-у, – примирительно протянул Тихон, – У них же есть еще эти... спецперевозки...

– Труповозки, ты хотел сказать? Это – да, самое время. Но тогда нужен хотя бы один труп... – Пожидаев поперхнулся, – М-да, договорились... хотя бы... Иди, работай.

В аптеке тоже озаботились не сразу: накануне мадам всем там раззвонила и о выезде на гуляночку, и о позднем возвращении, и о возможном завтрашнем продолжении. Как следствие, ее неявку в понедельник коллектив воспринял спокойно, ни о чем ином, кроме обычного отдыха после бурных выходных, никто и не подумал. Выходит, и тут все скользко, не ухватиться. Ох-хо-хо...

«Работай... – снова мысленно попенял однокурснику младший советник, – Вольно тебе указывать! Работай... типа я от тебя вышел, подошел к какому-нибудь делораскрывательному станку-полуавтомату... пусть с ручным приводом... картонку твою засунул, колесико покрутил, кнопочку нажал, и пошло-поехало! Пожужжало, попищало, лампочка мигнула: забирай, майор, готовый ответ, неси полковнику, и тут же – погончики новенькие, кабинетик светленький, медальку... а фигу с маком не хотел?!»

Того, что в папочке твоей, друг Серега, для нормальной работы ох как мало... По начальственным понятиям она вроде как не пустая – бумажек и в самом деле хватает, да только ни шиша они все вместе и каждая в отдельности не стоят. Показания свидетелей формально имеются, а они-то никого и ничего не видели!.. то есть этих, пропавших, наблюдали – потому и числятся в свидетелях, но – до пропажи, а какой мне с того прок? Фактуры – ноль без палочки, одни догадки, прикидки, намеки. Очевидца бы, хоть одного, хоть половинку...

Обещанная сердечным однокашником «зеленая улица» обернулась скоростным шоссе: первый же запрос в течение часа принес результат, удивив внезапной разворотливостью вечно буксующей бюрократической машины. Так заблудившийся в осеннем лесу грибник издает робкое «Ау!», ожидая услышать откликом лишь эхо и шорох осыпающихся листьев, а ему отвечает мощный разноголосый хор, словно вся безнадежно потерянная компания сидит за бутылкой в ближних кустах.

Не иначе, Серега дал вдобавок указание всем-всем-всем не только поторапливаться с ответами на любые пожелания кандидата в замы, но и не скупиться, писать серьезно и вдумчиво. Как результат – одно предложение, а именно: «Прошу сообщить о местонахождении...» повлекло явление многостраничной депеши, затрагивающей множество подробностей прошлого и настоящего. Герой повествования – гражданин Прудников Эм Ка (Михаил Кириллович), одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года рождения. Итак: ранее судим по статьям... зарегистрирован по адресу... и еще много чего, и все о нем.

Читателю предстала развернутая биография первого мужа женщины, пропавшей заодно с нынешним, вторым супругом, и история его походов. Без сомнений, окажись гражданка замужем за веб-дизайнером, поваром, хирургом или архитектором, никогда не удостоились бы чести оказаться в бумаге с тройным грифом «Для служебного пользования», «Особо срочно» и «Секретно». Угораздило же выбирать в спутники жизни то бандита, то подполковника полиции, того самого, от поиска которого теперь напрямую зависело, станет ли подполковником сам Брага. Первая «ходка» мадам Гуровой в этом смысле вышла и вовсе исключительной – Эм Ка в схожих документах явно фигурировал неоднократно.

К сожалению, большая часть справки принципиальных новостей не содержала, но информации к размышлению дала предостаточно.

...Михаил Кириллович, известный в криминальных кругах по кличке «Шляпник», происходившей из его давнего обычая раздевать клиентов догола и выпускать на волю в одной шляпе, нравственным человеком не был, разве только в детстве. Добывать средства на пропитание законным путем мужчина не желал с юности, трудовой путь начал в одной из молодежных банд, впоследствии ее же и возглавил. Быстрому карьерному росту способствовал рост физический, а также вес, боксерские навыки и редкое нахальство. Хулиганство, рэкет, разбой... суд, Сибирь.

Статья Уголовного Кодекса сто шестьдесят третья, часть третья – довод для господ присяжных заседателей серьезный. Ибо вымогал подсудимый у потерпевших имущество организованно, в размерах особо крупных, в составе группы. Банду сам создал, сам руководил... вред здоровью граждан причинял тяжкий и средства применял вплоть до огнестрельных. Суд приговорил разбойника к семи годам лишения свободы с усиленным режимом. По минимуму, к вящему удивлению Тихона Савельевича.

«Не мне попался, засранец... Там же двоих так и не нашли. Все предъявленные жюри потерпевшие – живые, а те, ненайденные?.. Эх, гуманный у нас все-таки суд! Вот и тут – половинка бывшая с новым муженьком... Можешь ты иметь отношение к их пропаже? По-моему, можешь, и самое непосредственное».

...Миша-Шляпник вышел на свободу через четыре года вместо положенных семи абсолютно перекованным... на первый взгляд. Вспомнил молодость, устроился в спортивный клуб

кем-то по хозяйственной части, по совместительству взялся тренировать подростков, успел воспитать парочку призеров юношеского первенства города. А тем временем возникла и набрала обороты интересная фирма с названием «Надежная гарантия». Вот за ее сопредседателя, успешного бизнесмена, почти юриста, и вышла замуж выпускница медицинского университета Света Демьянцева.

Прозрела дамочка лишь через два с лишним года. Сама узнала, с кем связалась, или он проговорился – неважно. Сбежала – только пятки засверкали. А куда убежишь в городе, где и в прятки не поиграешь? Опять же – от кого бегать надумала? Ладно бы от повара-хирурга... Беглянку быстро нашли и попросили вернуться в семью. Убеждать Миша умел – не зря его контора занималась доходным делом под названием «возврат кредитов и ссуд от недобросовестных заемщиков». Формулировка на первый взгляд благородная, а реально – выбивание долгов посредством уговоров, а чаще отбивания почек и других органов.

Мишина перековка обернулась перекраской: Шляпник из бандита переквалифицировался в коллекторы. Название организации придумал сам, исходя из основополагающего принципа работы: если клиент упорствовал, ему намекали: малость поупрямишься, и гарантированно станешь покойником. Дальнейшую заботу о строптивце брало на себя еще одно Мишино детище – бюро ритуальных услуг с красноречивым именем «Погребок».

Уговорить задолжавшего раскошелиться довольно просто. Например, покажи ему небольшое любительское видео, где его дочь, (сын, жена) снята с заплаканными глазами и бритвой у подбородка (ушей, гениталий). Или где под его машину либо на крышу дома выливают канистру бензина. Разнообразие сюжетов зависело от фантазии самого Миши и его сотрудников, а скудостью воображения они не страдали. Поэтому платили все. Платят, между прочим, по сию пору – деятельность сама по себе не противозаконна, следовательно, работа идет своим чередом.

Законом воспрещается только применять по отношению к должнику и его родственникам физическое либо психологическое насилие, портить имущество, использовать опасные для здоровья и жизни методы... и тому подобное.

Кроме того, таким легальным рэкетиrom ранее судимое лицо стать якобы не может. Но наш экс-сиделец самолично таковым и не является – там его друзья-приятели, на зонах не бывавшие; никакого насилия они не допускают... какой болван расскажет, о чем именно с ним толковали двое (больше нельзя) мускулистых улыбчивых молодых людей с увесистыми предметами в руках?... И честь с достоинством никто не унижает – обращаются на «Вы», цензурно, не повышая голоса... Так что у «Надежной гарантии» – надежное, гарантированно большое и светлое будущее.

Итак, со сбежавшей побеседовали. Судя по странной забывчивости матери относительно личности и характера оставленного с носом зятя, ее также просили помочь возвращению доченьки в лоно семьи. Как ни странно, Света уговорам не поддавалась, отнесла куда следует заявление на развод и в качестве встречного аргумента предъявила нового перспективного жениха. Где и как познакомилась с Гуровым – неизвестно, но факт остается фактом. Прудников отстал. Затаил злобу на зазнобу или нет, никто не знает. Но мотив есть? Похоже, есть. Надо выяснять.

Не помешает уточнить и еще кое-какие детали. Среди великого множества бумажных и электронных отчетов, как раз сейчас разгребаемых коллегами пропавшего, мелькнуло и знакомое название. Из чего следовало: пути и интересы двух мужей пересеклись не только на личном, но и на служебно-деловом поприще. А это гораздо серьезнее. Если делить женщину крутым парням в буквальном смысле не довелось – ко времени появления второго первый к телу красавицы уже не допускался, то дележка денег не исключена.

Ситуация сложилась любопытная: видит наш Антоша, скажем, на декларации подпись нашего же Миши, мигом вычисляет, сколько тот пытается утаить... далее – встреча, тары-

бары... Налоговики тоже уговаривать умеют. А какому вымогателю понравится, когда вымогают у него самого? К тому и еще весьма весомый аргумент, в форме вопроса: а судьи – кто? В смысле – мало тебе жены, так еще и на денежки мои кровные (в буквальном смысле, между прочим) губу раскатал, вошь погонная?!

Вот вам, господа присяжные, и готовый второй мотив. И потом: отчего бы бандюгану не попытаться одним махом ухватить за уши двух жирных зайчиков? Наказать коварную изменщицу – само по себе приятно, да заодно и хапугу приструнить раз и навсегда... Надо, надо выяснять.

24 августа 2020

– Так теперь вам все понятно?

– Как вы сказали? – Брага встал из-за стола и быстро прошелся до двери и обратно, будто хотел погнаться за кем-то, но передумал, – Журовой? Так она ваша родственница?

– Не моя, а жены, если уж быть точным, – Лобов глазами сопровождал забег, – Одна тысяча девятьсот семидесятого года рождения, проживающей...

– Проживающей... Сейчас-сейчас...

Из выдвинутого верхнего ящика стола посыпались какие-то бумаги, блокноты, ручки, карандаши, но Тихон Савельевич не обратил на возникший беспорядок ни малейшего внимания – извлек самую новую папку, положил на стол перед собой, раскрыл, полистал туда-обратно.

– В заявлении указано: не возвратилась с работы. А откуда это известно? Она проживает совместно с вами? – теперь следователь смотрел чуть рассеяннo, словно просчитывал в уме какую-то одному ему ведомую комбинацию, – Или с вашей женой?

Ого, подумал визитер, ну и достало человека! Сидел тут, тюфяк тюфяком, и такое вытворяет... чудеса. Он, не спрашивая разрешения, приподнялся и взгляделся в исчерканный разноцветными штрихами, кружками и птичками список. Фамилия тещи значилась тринадцатой сверху и тоже была отмечена – красным и желтым.

– Нет, мы живем порознь. Светка... моя жена собралась в больницу... это неважно... хотела о чем-то спросить, позвонила по домашнему, а ее... тещи нету, и сотовый молчит... сказала мне, я сгонял, ее нет ни дома, ни на работе... она же там главная, в своей аптеке, иногда задерживалась. И назавтра та же картина, вот и решили заявить.

– Правильно, в общем-то, хотя... может, у нее планы поменялись, с работой чего-нибудь, знакомых встретила?

– Нет, вряд ли. Полностью, конечно, исключить нельзя, но раньше такого не бывало. Я... мы думаем, с ней непорядок. И еще...

– Светлана... – следователь повел пальцем по списку, – И еще Светлана, и еще... раз, два, три, четыре... пять!

– Вышел зайчик... – продолжил Лобов, – Ну и что? А Наташ не считали?

– Угу, – кивнул майор, – По-видимому, ничего.

Он кое-как собрал рассыпавшееся по полу и запихнул обратно в стол. Потом, аккуратно разогнув ножки архаичного скоросшивателя, извлек из папки первый лист, и на его месте оказался второй, где те же фамилии, имена и прочее были размещены не по алфавиту, а в порядке следования дат – надо полагать, исчезновений людей либо поступления соответствующих заявлений. Здесь красным маркером была отчеркнута дюжина фамилий, в том числе стоящая последней Журова.

– А на компе у вас этой лабуды нету? – невежливо поинтересовался посетитель, – Там же гораздо проще...

– Пошли вы все с вашими компами знаете куда! – хозяин кабинета закрыл папку и прихлопнул пухлой ладошкой, – Искусственный интеллект... Дайте подумать, блин! А то я вообще сейчас пойду и уволюсь к чертовой матери! Компьютер ему... Или у вас что-то существенное? Выкладывайте!

Лобов, и не подумав «выкладывать», ухмыльнулся и продолжал сидеть, как у себя дома. Спешить некуда, следует подготовить почву, дабы грядущий посев принес урожай.

– Вот так прямо и уволитесь? Или пенсия уже образовалась? Ох, сомневаюсь я...

– Да хрен с ней, с пенсией! – запальчиво начал лысеющий служитель закона, но спустя секунду со вздохом опустил плечи, – Полгода осталось...

– Ага... и надо бы поаккуратнее, а то, глядишь, попрут за какую-нибудь мелочь... Так? Брага промолчал, но иное молчание говорит громче всяких слов. Посетитель молчать не стал.

– Знаете, Тихон Савельевич, у меня есть к вам предложение. Вы, полагаю, поисками моей, хм... второй мамы вплотную пока не занимались?... нет-нет, не волнуйтесь, я все понимаю, она же, по вашим меркам, только что... а там, видимо, есть персоны и поважнее...

– Для меня личности потерпевших несущественны! Главное...

– Да-да, разумеется, – гость слегка поклонился, отдавая должное юридическому пафосу, – Законность превыше всего. Но, со своей стороны, я как заинтересованное лицо могу твердо гарантировать: если вам удастся установить причину исчезновения моей тещи, а также ее местонахождение, ваша пенсия существенно возрастет...

Хозяин кабинета откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Он не пытался изобразить приличествующее случаю негодование, возмущение и прочие отрицательные эмоции, а как бы старался получше рассмотреть собеседника. А тот в свою очередь тоже молча развел руками: мол, ваш гнев вполне уместен, но я же не банду душегубов предлагаю от плахи отмазать?

«Ну, вот ты и проявился. Молоде-ец... Что ни говори, а торгаш всегда останется торгашом... деньги, деньги, всюду деньги, все имеет свою цену, все продаются и покупаются... принципы и присяги, кодексы и знамена – пустой звук... ничего святого. И во сколько, интересно узнать, ты заценил старого дурня Брагу?»

– Кгм... – прокашлялся искушаемый, отгоняя метнувшуюся по мозгу театральную фразу: «Фаустов на свете не так уж мало, и Мефистофель у каждого свой», – Кх-кхм... Будем считать, последних слов вы не произносили, а я, соответственно, не слышал... И вам должно быть известно: в таких делах... касающихся безвестно пропавших лиц, речь, к сожалению, чаще всего идет...

Брага знал: в родной прокуратуре прослушивать кабинеты не принято, но разговор о деньгах лучше не поддерживать – не ровен час, у верзилы за пазухой включенный диктофон. Посетитель пусть вещает о чем угодно, а юрист должен подбирать, блюсти и так далее.

– Я понимаю: чудес не бывает и, возможно, ее уже нет в живых, – помрачнел Лобов, – Хотя убей – не пойму, с чего бы и кому понадобилось ее прятать и тем более... это самое. Будь тут нечто вроде киднеппинга, похититель давно объявился бы: давай, такой-сякой, деньги на бочку, а пока – на тебе, к примеру, сегодня пальчик, завтра второй...

– А каких-либо странностей в ее поведении, в последнее время и ранее не наблюдалось? До старческого слабоумия ей, судя по возрасту, далековато, но ведь бывают и другие схожие расстройства? Могла она, например, пойти куда-нибудь на целый день, не сказав дочери... ведь мужа, я так понял, у нее нет? А другие мужчины?

– Если честно – не знаю... в смысле мужчин. Мужа – нет. Насколько мне известно, Светлана Андреевна замужем и не была, в тонкости не вдавался, но, по Светкиным словам, она и родилась, и росла без отца... то есть Светка, а не теща. А странности... у кого их нет? Но на сутки и более пока не исчезала, во всяком случае, на моей памяти.

– Выхолит, конкретно вам ничего не ведомо. Жаль, это могло бы помочь... может быть, дочь, ваша жена, знает что-либо? В больницу собиралась, говорите? Когда с ней можно встретиться?

Лобов пожал плечами.

– Четвертый день там, а сколько продержат... знала б что серьезное – сказала бы мне. Я еще с ней поговорю, расспрошу, появится чего – сразу вам передам. А касательно нашей потеряшки: сама она это устроила или нет, важно найти ее, в любом состоянии. Если... найти хотя бы тело. Удастся узнать, кто виноват – отлично. Дальше я как-нибудь разберусь сам.

– Безусловно, мы сделаем все, что в наших силах... А разборки ваши... вы понимаете, с кем и о чем говорите? Это же заранее спланированный, так сказать, замысел... И вообще, по делу вашей родственницы ничего существенного установить пока не удалось. Так, наметки, а фактуры никакой.

– Ага. Насчет замысла мне уже говорили, в райотделе, и еще... Успокойтесь, с ходу мочить не буду, точно.

– Да уж, постарайтесь держаться в рамках...

– Можно, я закончу? У меня, в отличие от ваших ребятишек, и фактура кое-какая имеется.

Договорить скорый на разборки не успел – в дверь стукнули, и беседу пришлось прервать. Пока майор расписывался за доставленный срочный пакет, у гостя затрезвонил мобильник и тот, извинившись, вышел в коридор, «на одну секунду, честное слово».

Пауза затянулась. Следователь поднялся из-за стола и несколько минут бездумно созерцал птичью суету за окном.

«Вот змей... Ну а если не найду – опять носом в грядку? А ведь не будь я таким принципиальным (или несовременным?), стимул мог образоваться действительно любопытненький... Другой на моем месте и не усомнился бы: никакая это не взятка, а всего лишь хочет один человек сделать другому человеку приятное... подарок, не подарок... кому какое дело?... Счет, говорит, будет на предъявителя... И машину, говорит, вашу я видел... Эх, Серега, Серега! Не тому ты, друг сердешный, такое прибыльное дельце поручил!»

Брага любил свою машину, водил аккуратно, следил за состоянием кузова, шин и подвески, и однажды был сильно раздосадован неуважительным поведением супруги.

– Скажи пожалуйста, – старательно застегнув ремень безопасности, жена повернулась к нему и с серьезным лицом ткнула пальцем в рулевое колесо, – Вот здесь кораблик, а сзади написано «Ляля...»

– И что? – так же серьезно спросил не чующий подвоха автолюбитель, – Кораблик – заводская эмблема, а там – не «ляля», а «Лада» – название марки.

– А мне кажется, ей подошло бы как раз по-моему... имя такое... семейное, так сказать. Псевдоним.

– Зачем?

– Не зачем, дорогой, а почему.

– Ну, почему? – не понимая женской логики, продолжал Тихон, – Машина и машина, ездит нормально, чего ей еще псевдонимы придумывать?

– Нормально... – кивнула супруга, – Нормально, говоришь... А ты послушай, как она поет, да с приплясом... вылитая эта, с монистами... помнишь, у нас от моей бабушки патефонные пластинки остались?

– Патефонные? Нет.

– Помнишь, помнишь, они на даче, на чердаке... мы их, правда, не слушали никогда, они на семьдесят восемь оборотов...

– Разве ты их не выбросила?

– Как я могу? Это же память!

– Так что – пластинки на семьдесят восемь?

– Там на одной певица такая, Ляля Черная...

С тех пор следователь, садясь за руль, помимо воли улавливал в привычном звуке мотора визгливые цыганские нотки. «Ляля», блин! Вспомнила детство... Но почему – «Черная»? Машина-то у нас белая!

Да, сказал родственник последней пропавшей, видел я вашу машину, да... сочувствую. Спору нет, вам, при вашей профессии, наверное, по-другому и не полагается, но дача-то у вас есть? А на дачу следует ездить на джипе.

– Такого зверя, как у одного нашего обиралы, из налоговой, – видя вопросительно поднятые брови собеседника, бизнесмен пояснил, – Ну, здоровый такой, вроде меня... короче, «Мерина» не обещаю, да и вам светиться ни к чему... а вот хорошего скандинава или азиата подгоним, ручаюсь.

– А откуда вы знаете, какая у него машина? – подозрительно прищурился Брага, – И какой это такой обирала?

– Кто ж Гурмана не знает?! То есть Гурова, конечно... Кстати, это не он там случайно, в вашей описи? То-то, я вижу... верней, наоборот – не видать его, не слышать...

«Ну и глазастый, подлец!» – изумился сыщик, – «Секунды три смотрел всего, вверх ногами, а главное просек... Ишь, «кто не знает...» кому от налогов прятаться не надо, тот и не знает... вот я, например».

– А вы не удивляйтесь, – посетитель, оказывается, умел читать мысли, – У меня это профессиональное – раз гляну, и документ как на фото перед глазами. А Гуров этот...

– Давайте о нем не будем. Ваша озабоченность судьбой... в общем, не будем отчаиваться, поиски ведутся, будут приложены...

– Все силы и возможности, мощности и ресурсы... Мне, вообще-то, на работу пора, – Александр поерзал на стуле, но вставать не спешил, – Визитку я вам оставляю, появятся новости – звоните. Ну, и я вам, с вашего позволения, идет? Держите в курсе, и все.

– Но...

– Тихон Савельевич, не волнуйтесь. Кроме моего, – Лобов с нажимом выделил это слово, – Моего дела, меня больше ничего не интересует – ни Гуровы, ни Чуровы... Служебных тайн мне не надо, а вот про тещу знать хочу. А теперь обещанная фактура.

– Весь внимание, – ну-тес, чем собрался удивить проныра-толстосум? – Еще минут пять у меня есть.

– Видите ли... машинку, на которой раскатывала наша Света-старшая, я знаю как свою – сам дарил. Я ее покупал, проверял, чтоб там все путем... короче, знаю. Тесновата, не мой вкус, но приличная вполне. А тут – пропала, вместе с хозяйкой. Так я ее нашел.

Второй раз за полчаса в кабинете состоялась немая сцена.

Глава третья

16 июля 2020 Сорок семь

Судя по выражению лица, он был чем-то серьезно озабочен или встревожен. Мужчина в потертой кожаной куртке, на вид около сорока лет, ростом выше среднего, имел резко выраженные залысины и близко посаженные водянистые глаза. Загрузив в багажник объемистую сумку и два пятилитровых пластиковых ведерка краски, он уже сел за руль и собирался захлопнуть дверцу, когда процесс был прерван ботинком, вставленным в проем.

Люди в форме о чем-то спросили водителя, получили утвердительный ответ, после чего предложили выйти из машины. Возражать и тем более оказывать сопротивление в подобных случаях бессмысленно, поэтому он подчинился, а спустя пять секунд на немного лошадином лице появилась уже не тревога, а откровенный испуг. Еще бы – не каждый день на тебя надевают наручники и заталкивают на заднее сиденье полицейского джипа между двух мордоворотов...

– Неплохая погода сегодня. Сухо, не жарко... как раз годится, чтобы немножко подкрасить яхту, правда?

Невинный на первый взгляд вопрос прозвучал из уст улыбающегося человека в гражданской одежде, сидящего рядом с водителем «УАЗа-Патриот».

– Какую яхту?.. Подкрасить? – задержанный попытался принять независимый вид, но скованными за спиной руками это не так-то просто, – Зачем?

– А вот ты нам сейчас и расскажешь, какую... А зачем – понятно. Название же поменял, теперь надо регистрировать на себя, а там красочка свежая... вопросыки возникнут... Всю хорошенько промажешь – никто и не догадается, что твоя – как там ее?.. «Земфира»?.. совсем недавно и не твоя была, и звалась «Анжеликой»... нет, какая там Анжелика... «Адель», так?

– Ну и что? – ему все же удалось выпрямиться, в глазах появился упрямый блеск, – Какая разница, как раньше называлась? Моя, и все! Документы есть... хотите, покажу!

– Ну да, ну да... название и вправду ни при чем. И даже твоя липовая дарственная нам, в принципе, до фени. Мы, видишь ли, не лодками занимаемся, не машинами и не домами с квартирами. А про убийство придется рассказать.

– Убийство?! Какое, на хрен, убийство? Он же сам... – и сжатый крепкими патрульными боками человек с лязгом захлопнул рот, – Его же никто...

– А теперь давайте-ка поподробнее... начнем по порядку: фамилия, имя, отчество...

К середине разговора, вернее уже допроса, продолжившегося в служебном кабинете до позднего вечера того же погожего, подходящего для лако-красочных работ денька, спеси у мужчины в кожанке поубавилось, плечи поникли, взор погас, а вытянувшееся лицо приобрело сходство уже не с лошадью, а скорее с верблюдом.

– Итак, – подвел следователь предварительный итог, – Вам будет предъявлено обвинение в преднамеренном убийстве вашего родственника по линии жены, а именно – зятя. Понятно?

– Понятно... – прозвучало в ответ, – Но я все равно его не убивал, и говорю вам чистую правду... Вот ей-богу, блин... простите, честное слово!

Божиться и отпираться можно сколько угодно, но лучше сразу признаться, этим и свою душу облегчишь, и следствию поможешь – так несколько часов кряду раз за разом повторялось задержанному, упорно отстаивавшему свою явно проигрышную позицию.

...Родственника, говорите?.. С этим, мягко выражаясь... педофилом... я знаком давно. Как познакомились? Да он ведь на моей сеструхе женился, вот тогда и познакомились... век бы его не знать... а поначалу – сносный паренек показался, жирноватый только, но так – ничего особенного. Варюха-то мне сначала ни шиша не говорила, даже когда родила, только вскорости бухать начала. Ну, не назавтра, ясен пень, а уже когда их девчонка в садик пошла... я не преувеличиваю, правда, бабы сейчас многие выпивают, но, я бы сказал, в меру, что ли... винца там, вискаря с колой... а она – водяру. Возьмет пузырь, и сама, понимаешь?.. то есть, понимаете?.. И так, получается, седьмой год.

В натуре, мне за сестру как бы тревожно, вот я и стал выпытывать, с чего это она? Ага... как-то сам ей налил от души, она и выдала: а ты, мол, не догадываешься? А я – ни сном, ни духом... спрашиваю: неужто этот твой дохляк ручонки свои поганые распускает?! Да ну – говорит, какое там... он меня вообще не трогает... понял?.. не только руками, а и остальными конечностями... совсем. Тогда я ей: гы-гы, и хером, стало быть, тоже?.. а детку откуда взяли? А она: а вот так и взяли, она, дочурка, ты не сомневайся, точно наша – хоть гены проверяй и все такое, только сделана как царь-пушка. Я не въехал, о чем она, а Варька ржет: уникальный экземпляр, с первого и единственного раза!

Я ей: так уж с одного? Не одного, говорит, так с двух, трех... не десять – голову даю. На свадьбе я такая счастливая была, он же тогда и ласковый, и все такое... и поспали... ну, ты понял... все как надо. А потом – как отрезало. Я думала – может, сглазили его или заболел... мало ли, трипак подхватил, поэтому на меня не лезет, а после уже и мне нельзя было, я Аденькой трудно ходила, сохранялась два раза... Год прошел, а он – как чужой... еще хуже – чужие, те наоборот, к своим кое-как, а на сторону аж пищат...

Я говорю: а давай его к сексопатологу? Сестра – так там же вдвоем надо, я готова, а он – ни фига. До меня, говорит, и без патологов скоро дошло... ты ж помнишь, я за него какая шла – целка целкой, ни сиськи, ни письки, жопа с кулачок... а поносила, покормила, стала баба как баба, при всем положенном... А ему, получается, такая не в кайф... ему, извращенцу, пигалицу подавай... К таким, скорее всего, и ходит, скот. Я говорю: точно знаешь?.. а где он их берет?.. Есть же частные детективы, найдем кого, вычислим... на развод подашь, капусту с него срубим?

Где берет, говорит?.. Ты, братишка, говорит, как вчера родился... у него ж своя фирма компьютерная, ему давалку-малолетку найти – раз плюнуть! Короче, говорит, живу типа соломенной вдовой при живом муже... Если б у него там непорядок был какой – так нет же, все как у всех, даже встает, я-то вижу. А мне, выходит – в монастырь? Слава богу, мир не без добрых людей, только намекни – отымеют по полной программе... так и живем, брат.

Я тогда прикинул: ну-ну, таких добрых через тебя, по самому скромному счету, минимум человек сорок уже крутанулось... и начал к нему приглядываться – неужто гомик?.. не, ни фига не обнаружилось... тогда и стало мне ясно – с головой там явно непорядок. А так, в целом – мужик как мужик, при делах, фирма у него классная, бабок немерено... и не жмот в этом смысле – пару раз только намекну – на, говорит, потом как-нибудь отдашь... я бы отдал, правда, да он и не просит... то есть не просил... а тогда и говорит: вот тебе, братан, типа, презент, а ты за это мне поможешь.

Подмога моя зятюку понадобилась в одном, как он под секретом растолковал, чрезвычайно деликатном деле... если дословно – конфиденциальном, вот. Наверно, надо было не молчать, а с ходу пойти в ментовку... извиняюсь, к вам, в полицию... настучать, всем было бы лучше – и этот козлик был бы жив, и мне тут париться не пришлось... жадность подвела... он отвалил налом... какая разница сколько... черт с вами, десять штук... а как вы думали – за меньше я бы ни в жизнь... Короче, пришел тогда чернее тучи, иначе не скажешь, говорит: все, не могу больше... стреляться-вешаться в падлу... да и не потяну, смелости не хватит... я, знаешь, подумал – с паром – самое оно... пловец из меня навроде топора.

Я говорю: ты чего, чувак?! А дочка? Про сестру молчу – знаю, она ему типа стенки – а девка при чем? Она же его, наверно, одного на свете и любит... А он – ничего, со временем поймет... может быть... до совершеннолетия опекуном будет моя мама, ты ж в курсе – женке от меня доверия никакого – пропьет все к ебням... вот, а ты, хоть меня и не уважаешь, но последнюю волю, будь добр, исполни. Давай, говорю, излагай. Он и выдал.

Требовалось всего-то отогнать «Адель» на пяток-другой километров к середке Ладоги и притопить. Притом не полностью, а чтобы плавала, типа произошел несчастный случай – волна там налетела или шквал, он за борт навернулся, и каюк. Вот так. А я сдуру пожадничал – лодочка-то классная, с каютой, все путем... вы ж видели, наверно... чего добру пропадать... перегнал ночью на свой причал, под брезент, мачту убрал, название закрасил, поменял, деньжонок нужному человечку сунул, он бумажки организовал, якобы мне ее какой-то хмырь подарил... остальное вы знаете.

«Знаем, знаем... – подумал следователь, с интересом разглядывая вдохновенно врущего визави, – И знаем больше, чем тебе, дурашка, мнится... кровь ты наверняка смыл, но следы остались – и в каюте, и на палубе, и на правом борту, где свалил в озеро тело убитого человека.

Конкретное место ты нам, конечно, не скажешь... пока... вот посидишь, созреешь, тогда поговорим еще разок... водолазы ползали, поплавали, но результат нулевой – Ладога, она большая, всю не обшаришь... И ведь сошло, все сошло бы тебе, подлому, с рук, кабы не нашелся некий доброжелатель, накропавший письмецо... и доносом как таковым не назовешь...»

Пришло не электронное – обыкновенное бумажное послание по обычной, старомодной почте. Конверт был подписан древней перьевой (где теперь сыскать-то такую) ручкой, адресован именно сюда, в «отдел внутренних дел», и содержал половинку листа из школьной тетради, на котором тем же пером кто-то печатными буквами вывел: «Проверте лодка покойного Чурова у шурина там кров конечно он и убил скоро продаст не найдете». Грамматическая ошибка наряду с нехваткой точек с запятыми и мягких знаков почему-то послужила аргументом в пользу правдивости содержащейся в тексте информации. От правила не рассматривать анонимки отступили – как-никак сигнал не о мелочи какой, а об убийстве – и маховик правосудия, скрипнув, совершил первый оборот.

«А ты, милоч, думал – покрашу, быстренько сбуду, денежки в карман, и шито-крыто? Шалишь, брат... бензидин не обманешь... проба древняя, как мир, и столь же надежная – следы крови выявляет в миллиардном разведении. Утопил бы посудину – не нашли бы, а так – пожалте. Вот они, пятнышки синенькие... Пожадничал, сам говоришь. Все, все расскажешь, а потом, как положено: на остаток поганой твоей жизни – за решеточку... хотя, на мой взгляд, за такие дела надобно по-старому, око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Ведь убивал наверняка с умыслом, вот и клади, душегуб, головушку. Чтоб неповадно. Ибо кровь, как показал уже более современный анализ, принадлежит именно пропавшему владельцу яхты – твоему, мерзавец, зятю...»

Корявый навет отправился бы по прямому назначению множества таких же неподписанных – в архив, а еще вероятнее – в урну, но районные опера, посовещавшись, все же решили на всякий случай пошевелиться. Дополнительным и самым весомым аргументом в пользу такого нестандартного решения послужил факт наличия в участке двух стажеров, изнывавших от безделья и желавших не чихать от пыли в завалах старых дел, впустую протирая форменные одежды, а – работать, работать, работать!..

– Ну вот, молодежь, задача как раз для вас, начинающих, – начальник райотдела, по совместительству руководитель практики, вручил подружкам (а будущие юристы были симпатичными девчушками) свеженькое послание, – Для начала установите личность потерпевшего...

– А как же мы... – начала одна, – Здесь ведь только фамилия?

– А можно воспользоваться вашим компьютером? – предметнее подошла к вопросу другая.

Стажерка, слывшая любимицей заведующего кафедрой криминалистики, изъявила желание проанализировать базы данных – по району, городу, области и, при необходимости, всей стране.

– Правильно! – одобрил начальник, – Хоть по планете! Приступайте.

И молодое рвение привело к результату быстрее самых смелых прогнозов. Надо сказать, успех больше всего порадовал самого стажированного участкового, поспорившего с соратниками на пиво: он поставил на «горячих кобылок» и выиграл. Разыскав адрес фигуранта, студентки отправились на квартиру, где им никто не открыл, потом по месту работы – там с ними не стали говорить, наконец, к матери... и вернулись, приведя с собой толстую, непрерывно стонущую тетку. Она, оказывается, «так и знала».

Таким образом, к рассмотрению была принята не маловразумительная писуля неизвестного пасквилянта, но вполне официальное заявление вполне реального лица. Мать, поначалу нимало не озаботившаяся четырехдневным молчанием сына – бывало, и по неделе ни словом не обмолвится, в ходе разговора с полицейскими девушками внезапно «не на шутку встревожилась». Тревога побудила мадам «материнское сердце – вещун, ничего мне не говорите!...» «вам, молоденьким, не понять, как порой бывает невыносимо без сыночка – кровинушки...» превозмочь боли в артрозных суставах и на вызванной стажерками служебной машине добраться до сыновней квартиры. Там она, не слушая возражений сопровождающих без пяти минут юристов и не утруждаясь звонком, открыла дверь своим ключом.

– И что?! Что я вижу? – воззвала к дежурному по отделению женщина с костылями под мышкой, – Эта пьяная блядища лежит, задравши ноги свои немытые, на ней храпит какой-то вонючий...

– Ближе к делу, гражданка, – прервал поток возмущенного красноречия лейтенант, – Вы сказали, хотите заявить о возможном преступлении?

– Почему возможном?! Они же убили его!

– Кто убил? Кого убили? Кого конкретно вы подозреваете? Изложите, пожалуйста, максимально подробно, – толстуху заботливо усадили за стол, дали бумагу, ручку, – Постарайтесь избегать личных оценок, придерживайтесь фактов.

И она изложила, придерживаясь. Личные оценки, все-таки прорвавшиеся из материнской души и занявшие добрую треть текста, пришлось вычеркнуть, но общий смысл от этого не потерялся и сводился к двум основным тезисам: сына убили двое – его жена и ее брат. Она – вдохновитель и подстрекатель, он – исполнитель и палач. Оба в крови по локти и колени, обоих следует немедленно арестовать, судить и расстрелять. А внучку она воспитает сама, эти каналы и алкоголики только испортят ребенку детство, отрочество и юность.

Сыщиков, побуждаемых к активным карательным действиям, несколько смутил факт прихода обличительного письма днем раньше абсолютно несамостоятельного обращения горюющей женщины. Конечно, нельзя было исключить причастность к его написанию как самой матери невесты куда девавшегося Адама Чурова, так и кого-либо из подруг или соседок, под ее диктовку.

Но тогда возникал закономерный вопрос: ей-то зачем писать, когда можно все решить, обратившись лично?.. А как раз с этим Чурова-старшая явно не торопилась, и не случись университетской стажировки, могла еще неделю, а то и месяц молча терпеть невыносимые муки. Тогда – кто писал, зачем и почему? После недолгих раздумий в полиции решили: кто бы ни писал – не суть важно, важны факты. Где Чуров?.. нет Чурова, а его мать – вот, тут как тут, рыдает и подтверждает эти самые упрямые факты – человек пропал, вероятно, убит... И подозреваемый есть... взять!.. а вину – докажем.

И вот результат: предполагаемый злодей взят под стражу, в присвоении имущества жертвы сознался, от кровопролития пока отрекается, но когда такая мелочь мешала привлечь, судить и наказать? В кутузку его!

Пропаже владельца процветающей компьютерной фирмы его сотрудники не удивились – он время от времени, никого не предупреждая, исчезал – когда на день-другой, когда на неделю, зато появлялся либо с новыми идеями, либо с готовыми проектами, неизменно приносящими хорошие деньги. Озаботился только «первый помощник», как хозяин именовал своего заместителя. С его слов, Адам Григорьевич в последние дни был одновременно суров и будто взвинчен, а на прощание огорошил:

– Когда меня не станет, Дмитрич, ты тут сильно не расслабляйся, рули потверже. Отчитываться будешь маме, а она бухгалтер, считать умеет...

Июнь 2020 Адам и Ева

Ева: (задумчиво-печально) – Тебе, наверно, придется умереть.

Адам: (после паузы, со вздохом) – Наверно, придется.

Ева: – Не страшно?

Адам: – Страшно, а как же. Но придется... хотя примитивно умирать не хочется. Противно, неопратно, и труп...

Ева: – А что ты предлагаешь?

Адам: – Да, в общем, то же самое... то есть я перестану существовать, но как бы не совсем.

Ева: – Как это – не совсем? Объясни.

Адам: – Пожалуйста. Меня не станет, и произойдет это таким образом, чтобы ни у кого не возникло сомнений: хотя тела покойника нет, но факт насильственной смерти очевиден. И хотелось бы нечто неординарное, к примеру, натуральное убийство, замаскированное под самоубийство, в конечном итоге недоказуемое... загадка, так сказать, без решения.

Ева: (возбужденно) – Но это же практически невозможно!

Адам: (подчеркнуто спокойно) – Еще как возможно. Только придется обзавестись сообщником.

Ева: (по-прежнему взволнованно) – Нет, ни за что! Об этом никто, понимаешь, никто не должен знать! Если кто-то будет помогать, то его или ее придется посвятить в суть дела, и, следовательно, полагаться на порядочность, верность тебе... много таких честных людей ты лично знаешь, тем более верных?

Адам: – Целиком и полностью согласен. Но в том-то и дело: нужен человек изначально нечестный, а такой у меня есть. И использовать его надо втемную.

Ева: – Уж не своего ли драгоценного родственничка ты имеешь в виду?

Адам: (с усмешкой) – А кого же еще? Мне кажется, это именно тот, кто нужен. Он ни за что не упустит случая поймать халяву и мгновенно окажется главным подозреваемым со всеми вытекающими.

Ева: – И тебе его совсем не жалко? Ни капли?

Адам: – Не-а. Ни малюсенькой капельки! Так ему и надо, козлу. Ты же помнишь, надеюсь?..

Ева: – Да, ты прав, жалеть его не стоит. Помню, все помню.

Забывать такое было трудно при всем желании. Кривая ухмылка на пьяной роже, оскаленный щербатый рот...

– А может, ты у нас голубенький, а, братишка? Жопка у тебя вон какая гладенькая... ну, так и быть, давай, вопру разок... наступлю на горло собственной песне... чего не сделаешь для родного человечка!

– Да пошел ты, – не желая слишком обострять ситуацию, Адам встал из-за стола, – Пропись, дядя!

– А я и по-трезвому могу, не сомневайся... думаешь, все кругом слепые?

– Ты о чем?

– Уточняю: сестрица мне давно говорит, типа ты к ней в койку и не заглядывал, дочку сделал кое-как, и – прости-прощай, красотка... И по прочим бабам что-то не лазишь... Она вон трахается с кем попало, а тебе до фени...

– Ну и что? Это мое дело – до фени, не до фени...

– А то, братуха, то самое... Если мужик своим хозяйством по назначению не пользуется, стал-быть, он и не мужик вовсе... сечешь? Или ты и в самом деле по детишкам, с-сука?!

Теперь и шурин поднялся, приблизил лицо, неприятно дыша горячим водочным духом.

– Ты не сцы, я, в натуре, не обижу... вазелинчик имеется, резиночка... а хочешь крем, питательный, ха-ха... становись раком... как говорится, раз – не пидарас, два – не система, а третьего сам попросишь!

Побледневший Адам сжал кулаки и готовился врезать по ненавистой морде, отчетливо сознавая: шансов в драке у него никаких.

– Все, этим больше не наливать! – спасла ситуацию поднесшая свежую закуску свояченица, – Варька, иди сюда, еще по чуть-чуть, и нам пора.

Раскрасневшаяся от водки Варвара не возражала, все вернулись за стол, выпили мировую, еще по одной за здоровье присутствующих, следом на посошок, стремленную... Инцидент как будто забылся, но женкин брат при встречах время от времени подмигивал, намекая на некую одному ему известную тайну. Адам сохранял внешнее равнодушие, ничем не выказывая отвращения. Ничего-ничего, будет и на нашей улице праздник...

июль 2020 Ева и Адам

Ева: – (решительно) – По-моему, час настал.

Адам: – Согласен.

Ева: – Все еще боишься?

Адам: – Честно говоря, боюсь. Но, раз все готово, пора.

Ева: – А как насчет мамы? И Адочка...

Адам: (категорично) – Маме лучше не знать. И об Аде старайся не думать, иначе мы не сможем сделать все, как надо.

Ева: (сомневаясь) – Как-то это все-таки... оставляешь дочку на чужих людей, в полном неведении...

Адам: (с горячностью) – Ну, во-первых, мама ей не чужая. Во-вторых, сейчас ей это ни к чему, она пока не поймет. Вот повзрослеет, исполнится восемнадцать... хотя бы шестнадцать... тогда уж – будь что будет... я своего решения все равно не изменю. И вообще, не понял: кому легче, в конце концов? Тебе жить, а мне...

Ева: (успокоительно) – Ты прав, мне легче. Итак, первым делом запускаем кляузу...

Адам: – Ну, зачем же так. Это называется «сигнал». Самое смешное – заметь, пользы от него поначалу не будет ни шиша... пустой звук, зато потом... ох, и повеселишься!

Ева: – Пустой? Ты уверен?

Адам: (смеется) – Конечно! Мне сдается, они даже рассматривать не станут, по закону не полагается. Прочтут, подивятся, и в урну. А уж когда мамочка догадается звякнуть в фирму...

Ева: (немного озабоченно) – Еще о маме. Обязательно так, с кровью?.. вдруг она... ну, переволнуется? У нее же сердце, давление, все такое...

Адам: – Ха, она здоровее нас с тобой в сто раз! Я же мерил ей давление... говорит: только сейчас было чуть не двести, перемерю – сто двадцать... Так что пусть уж будет, как задумали... не зря же пролита кровушка, пусть из носа, но все-таки...

Ева: – Да, мама у тебя дамочка крепкая. А суставы?

Адам: (с пренебрежением) – Ой, не смейся. У нее костыли чисто для виду, на людях демонстрировать. А как никто не видит... На ней пахать надо!

Ева: (уверенно подводя итог) – Вот и припадем. Словом, как говорил лысый большевистский вождь, любитель кукурузы: наши цели ясны, задачи определены – за работу, товарищи!

Следствие, набравшее обороты, уже не остановить. Человек в кожаной куртке по-прежнему упорствовал, сознаваться в практически доказанном убийстве не желал... что ж, время, когда признание считалось царицей доказательств, давно миновало; косвенных улик оказалось достаточно, и дело шло к суду. Помешала досадная мелочь.

Его сестра и сообщница осталась на свободе, за что ей следовало благодарить све-кровино здоровье, точнее – напротив, болезнь. Артроз, до поры дремавший, вскоре после памятного визита в полицию обострился, и мужественные устремления тучной дамы – отнять внуку у гулящей пьяницы-матери – потерпели крах. Пришлось лечь в больницу, а Варвара Чурова внезапно отвернулась от бутылки и вплотную занялась дочерью, поэтому брать ее под стражу сочли чрезмерным, ограничились подпиской о невыезде. А когда сыщики уже готовились праздновать по случаю образцово-показательного расследования тяжкого преступления, в колесо машины правосудия вставили палку. И сделала это именно она, сообщница!

Все произошло до обидного просто: в прокуратуру пришли две женщины, одна из них – Варвара, а другая, всхлипывая, попросила ее имя не называть журналистам и особенно – мужу. У единственного подозреваемого, почти обвиняемого, оказалось стопроцентное алиби. Его проверили, убедились: да, действительно... вот те раз...

– А что ж ты раньше молчал?! – грозно спросили кожаного, – Понравилось на нарах париться?

– А ты сам так бы в момент и рассиропился? – исхудавший, посеревший узник упрямо глядел исподлобья, – И бабе потом за тебя от своего барана рогатого хоть в петлю лезь...

– Но все равно пришлось бы признаваться – не здесь, так на суде?

– Может, еще и не пришлось бы... а если б он всплыл, где-нибудь в заливе?

– Так вы полагаете, – смягчился следователь, – Чуров все-таки покончил с собой?

– Так я об этом тебе, блин... извиняюсь, вам, месяц твержу!

– Да-да... Ну что ж, гражданин... вы освобождаетесь... скажите спасибо своей сестре – не похлопочи она...

– Вот за это попрошу не волноваться. И ей, и еще кое-кому... Всем все скажу.

– Имейте в виду, ваша сватья ни при чем. Женщина в возрасте, сын пропал, отношения у вас с ним складывались непростые... со здоровьем проблемы, за внучку переживала, поэтому...

– Больная, в возрасте... и поэтому надо было подставлять невинного человека? Не бойтесь, не трону я ее... Пошла она в сраку, падла старая!

– И словесно оскорблять ни ее, ни прочих причастных лиц не следует. Сами виноваты – скажи правду на первом допросе, никто б вас не стал задерживать.

– Так вы и поверили... Начали бы ее хватать, тягать по допросам... пресса там, телевидение... ладно, проехали. Я могу идти?

– По мне – хоть бегите, ноги-то на месте. Вы свободны.

Вот так фактически готовое и даже почти дошедшее до суда дело об убийстве перешло в несколько иной разряд, став делом о безвестной пропаже Чурова Адама Григорьевича

Год с небольшим спустя оно было закрыто. Вышедший к тому времени на заслуженный отдых заместитель начальника следственного комитета, как и полагается пенсионерам, не обратил на это событие ни малейшего внимания. Причина оказалась нестандартной. Труп не всплыл, чьего-либо признания в жутком злодеянии не последовало, лавров за расследование никто не снискал. Как-то само собой выяснилось: никакого исчезновения не было, был оставшийся незамеченным выезд упомянутого гражданина за рубеж. Гражданина действительно не стало, но взамен появилась гражданка другой страны Neva Churovainen.

На очередном заседании студенческого научного кружка при кафедре криминалистики руководитель поощрил свою протее аплодисментами и взял слово.

Выдержка из комментария доцента Соловьева.

– ...И в заключение, молодые коллеги. Записывать не нужно, просто послушайте внимательно. Безвестно пропавшие люди, как правило, не возвращаются, полицейские всего мира об этом знают, но родственникам стараются напрямик не говорить. И вам в будущей практике рекомендую придерживаться сего гуманного принципа: им и так тяжело, зачем лишать надежды... в кино и книжках случается: некто утратил рассудок, но временно. Такой, представьте, живой фантом, ни памяти, ни речи... поблукал месяц-полтора по зимнему лесу, горам, пустыне, тундре, не имея еды, крова, огня и воды, иногда вовсе голый и босиком, а потом без всякого лечения очнулся и вернулся как ни в чем не бывало. (Некоторое оживление в аудитории)

А в реальной жизни так не бывает. Ушел сам, особенно сойдя перед тем с ума – умрет от голода, жажды, переохлаждения, зверь загрызет и тому подобное. Похитили – потребуют выкуп; получают, нет ли – все равно убьют. Взяли в рабство, модное с недавних пор сексуальное или банальное – используют и убьют. А чаще всего пропажа как таковая маскирует уже произошедшее преступление – убийство, преднамеренное или случайное, изредка – суицид...

Вам, начинающим юристам, следует знать и помнить: лучше исходить из самых худших предположений и обмануться в них, чем питать пустые иллюзии. И сегодняшняя информация, как ни парадоксально на первый взгляд, вполне согласуется со сказанным мною. Ведь исключение не опровергает, а лишь подтверждает правило, не так ли? Спасибо за внимание.

Жил-был мальчик, но мальчик не совсем обычный. Кто знает, скажи он кому-нибудь о тайной, известной одному ему стороне своей жизни – возможно, все могло пойти по-другому. Но для него, с первых шагов привыкшего быть самостоятельным и никому не выдавать мыслей и чувств, это было недопустимо. Тайна возникала всегда неожиданно, без предупреждения, оставаясь невидимой и для мамы, и для тогда еще жившего с ними папы, и для самого Адама. К счастью... к счастью?... он не испугался, не побежал жаловаться, приняв ее явление как интересную, увлекательную игру.

Да, игру. Поэтому о приходящей... нет, скорее возникающей прямо в нем самом – где-то в голове, сердце или еще глубже – девочке, называвшей себя Евой, никому не сказал, а со временем понял главное: она – не рядом или вместе с ним. Она – это он, а он – она. А поступи он иначе – в игру вмешались бы грубые, глупые взрослые, и все сломалось бы раз и навсегда. Его отвели бы к врачам, положили в психиатрическую больницу, начали лечить – таблетками, уколами, травами, ваннами, гипнозом, электросном, электрошоком... Вылечили бы? Может быть, может быть...

24 августа 2020

– Да, нашел, – бизнесмен достал портсигар, вопросительно взглянул на хозяина кабинета, – И очень даже просто.

Брага и сам с удовольствием закурил бы, если б имел привычку вредить здоровью – момент был как раз подходящий. Но Тихон Савельевич никогда не курил и задымления своего кабинета позволить не мог, о чем дал знать пришлому вредителю, скроив кислую мину.

– Вот как? – нашел он... ну-ну. Будто это не полторы тонны железа, а кошелек какой, сумочка... – Повезло вам... И куда дели? В бюро находок отнесли?

– Нельзя? – везунчик дернул щекой, убрал сигареты, – Так и быть, потерпим. Она стоит...

Многие врачи, саперы и юристы отличаются привычкой оценивать действительность методом адресованных самому себе вопросов и последующих ответов, по-научному – внутренних диалогов. По ходу сегодняшней встречи Тихон поинтересовался у Браги: «Скажите на милость, уважаемый, какой следователь в наше время доверяет бизнесмену?» Ответ гласил: «Почему только в наше? Ни в какие времена ни один следователь ни одному бизнесмену не доверял и доверять не должен. И уж тем более верить. За о-очень редкими исключениями». «Это за какими же?» «А вы не знаете? Элементарно, Ватсон: доверять ловчиле, купцу и дельцу способен только дурной следователь». «...?» «Поясняю: эпитет приведен не в смысле умственных способностей, хотя они у такого, очевидно, не на высоте... а в исконно русском понимании сего термина – «плохой». Поняли, почтеннейший?» «Ну да, ну да...» «Потому как он нас, законников, за людей заведомо не держит и готов в любой момент продать, купить и еще раз продать, только дороже, как говаривал когда-то бродяга Паниковский».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.